

БОЧКА НО-ШПЫ
И ЛОЖКА ЯДА

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Авантюрный детектив

Татьяна Полякова

Бочка но-шпы и ложка яда

«ЭКСМО»

2004

Полякова Т. В.

Бочка но-шпы и ложка яда / Т. В. Полякова — «Эксмо»,
2004 — (Авантюрный детектив)

Гости съезжались на дачу... А точнее, в загородный дом вдовы Ларисы Артемьевой. Но – увы! – далеко не все из них благополучно уехали оттуда. Один утонул, другую сбила машина, еще один неудачно упал и разбился. Вдобавок кто-то придушил престарелую тетушку и отравил падчерицу Ларисы. Есть от чего забеспокоиться, тем более у Ларисы имеются основания считать, что главной мишенью убийцы является она – молодая, красивая и богатая. Кто же этот неумолимый преследователь – подруга-завистница, пасынок, первая жена покойного мужа или один из гостей – мужчина с изуродованным шрамами лицом? И тут Лариса находит упаковку лекарства, которая, похоже, прольет свет на эти многочисленные вопросы...

© Полякова Т. В., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Татьяна Полякова	5
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Татьяна Полякова

Бочка но-шпы и ложка яда

Все началось с того, что тетушка Сусанна выпала из окна. По-настоящему она не была моей тетей, она была дальней родственницей моего второго мужа и досталась мне по наследству вместе с его славным именем и домом, который он изрядно изуродовал, пытаясь перестроить по собственному проекту.

Старушка смутно помнила русско-японскую войну, и по самым скромным подсчетам ей давно перевалило за сотню лет, что отнюдь не мешало Сусанне вести чрезвычайно активный образ жизни. Лет двадцать назад она начала обратный отсчет своим годам, и теперь выходило, что ей восемьдесят семь. Утверждение, начисто лишённое логики. Какая в этом случае русско-японская война? Софья заявила, что старушка просто выжила из ума, с чем я решительно не могла согласиться. Несмотря на свой преклонный возраст, тетка Сусанна отличалась твердой памятью (особенно на чужие проступки), невероятным ехидством и редким умением довести до белого каления любую человеческую особь, будь то младенец или убежденный сединой философ. Достаточно было одного взгляда на сморщенное личико Сусанны с пакостной улыбкой и злыми глазками, чтобы захотелось незамедлительно придушить ее.

Софья неоднократно высказывала удивление, почему я терплю Сусанну в своем доме, коли она мне даже не родственница. Кстати сказать, с моим вторым мужем они терпеть друг друга не могли и ругались как минимум трижды в день. Однажды Костас даже запер ее в кладовке. Поступок, безусловно, недостойный мужчины. Старушка, как только выбралась из заключения, огрела его палкой, на которую опиралась при ходьбе, и сумела-таки пробить ему череп. И это несмотря на то, что отличалась subtilностью, а к тому времени и вовсе усохла, а голова моего супруга, по мнению его недоброжелателей, славилась невероятной крепостью (недоброжелатели произносили это словосочетание издевательски, имея в виду, что супруг невероятно туп).

Так вот, несмотря на застарелую вражду между родственниками и давнюю кончину Костаса, Сусанна продолжала жить в нашем доме. Этому было две причины. Первая: в доме для престарелых старушку за ее дурной нрав непременно кто-нибудь придушит, вторая: отличаясь острым взглядом и злым языком, она не давала мне возможности расслабиться, всегда поддерживая в нужном тоне.

Если Сусанна ядовито замечала: «Что-то ты скверно выглядишь», надо было срочно отправляться к косметологу, пока я действительно не начала выглядеть скверно. Домашние ее терпеть не могли, что и неудивительно. Больше всех от нее доставалось поварихе Розе и домработнице Наталье. Татарка Роза – существо доброе, милое и улыбочное – при виде Сусанны стискивала зубы с такой свирепостью, что становилась похожа лицом на Тамерлана. Тетушке сие доставляло явное удовольствие.

Всем в доме Сусанна дала прозвища. Меня неизменно называла аферисткой, Софью – приживалкой, детей моего третьего мужа соответственно – лоботрясом и дурочкой, Розу – отравительницей, а Наталью – грязнулей. Любви домашних ей это не прибавило. Они бурчали под нос, что старушка задержалась на этом свете, мол, пожила, пора и честь знать.

Каюсь, эти мысли иногда приходили в голову и мне, но, к чести моей, лишь в минуты слабости. В глубине души я была уверена, что Сусанна существо бессмертное, посланное нам за грехи, и не сомневалась, что она переживет меня и отойдет по наследству детям. И то, что Сусанна едва нас не покинула, явилось для меня громом среди ясного неба.

В то утро мы с Софьей пили чай на веранде и составляли список гостей, которые ожидалась завтра. Специально мы никого не приглашали, решив, что те, кому надо, сами явятся, и

теперь прикидывали, «кому надо». Повод, для того чтобы собраться, был невеселым, но ответственным: завтра исполнялся ровно год, как мой муж, Борис Артемьев, скончался от цирроза печени, оставив мне своих двоих детей от первого брака и светлую память. Литературная общественность до сих пор скорбит по поводу этой утраты, так как мой муж был известным беллетристом. Настолько известным, что читатели (особенно читательницы) сходили по нему с ума. Популярность стала для супруга тяжелой ношей, он запил, как это водится у российских гениев, и скоропостижно скончался на пятьдесят третьем году жизни, правда, оставив два практически законченных романа (возможно, даже три или четыре, он был очень плодовит). Сусанна как-то высказалась по этому поводу:

– И когда он только пишет, ведь с утра пьян в стельку.

– Фолкнерпил даже больше, – нашлась Софья, – и умудрился стать классиком.

– Вот уж не знаю, – ядовито усмехнулась Сусанна, что было истинной правдой: Фолкнера она знать не знала.

– Гений может творить в любом состоянии, – гнула свое Софья, хоть и знала, что спорить с Сусанной – зря терять время.

– Это Борька-то гений? – хихикала старушка. – Дурак он, прости господи, никчемный мужичишко. И если б наша аферистка не подобрала его, он до сих пор валялся бы на помойке, где ему самое место.

Софья вздыхала, а я лишь пожимала плечами. Кое-что в словах старушки вполне могло сойти за правду. На момент нашего знакомства с Борисом Петровичем он был никому не известным гением в возрасте сорока пяти лет, которого никто упорно не хотел печатать. Иногда ему удавалось запихнуть рассказик в какой-нибудь толстый журнал, но, так как журналы сами бедствовали, гонораров на хлеб насущный ему не хватало. Борис Петрович существовал на деньги брата. Он впал в пессимизм, ненавидел всех, особенно издателей и писателей, успешным собратьям по ремеслу яростно завидовал и исходил лютой злобой.

Я в то время вдовствовала, только что похоронив своего второго мужа, известного художника Костаса Одинцова. На самом деле его звали Константином, но ему казалось, что «Костас» звучит гораздо впечатляюще, и он придумал себе бабку – то ли грузинку, то ли гречанку. Может, такая и была в наличии, но из всей его родни я знала лишь Сусанну, которая изводила Костаса насмешками над его живописью и называла мазилкой.

Кстати, когда мы познакомились с Костасом, он тоже числился непризнанным гением. Наш брак, то есть обрушившееся на него счастье, перевернул душу художника, и он внезапно создал шедевр (так считали многочисленные критики), потом второй, потом шедевры бесперебойно последовали один за другим. Картины охотно раскупали иностранцы. Теперь они находятся во многих частных собраниях и музеях мира, а стоят столько, что мне иногда становится неловко. Так как первым шедевром был мой портрет, да и потом Костас очень часто рисовал меня, малая толика его славы досталась и мне.

На первой картине у меня была кошачья голова (но мои черты угадывались), на второй моя голова на кошачьем теле. Кто-то робко назвал Костаса русским Сальвадором Дали. И понеслось... К сожалению, муж, работая как проклятый, подорвал свое здоровье, чему способствовала и неумеренная тяга к спиртному, и скончался в апофеозе славы.

Это я к тому, что на момент встречи с Борисом у меня имелся опыт общения с гениями, причем Костасом он не ограничивался. Первый мой муж – итальянец – до сих пор безумно популярен на своей родине, хотя и умер пятнадцать лет назад. Мы познакомились в Питере, куда Антонио прибыл на гастроли в составе ансамбля итальянской поп-звезды. Этому крикливому певцу он, кстати, страшно завидовал. Мне в то время только что исполнилось восемнадцать, я была романтична, глупа, мечтала жить за границей и могла влюбиться в кого попало, а тут все-таки музыкант. Наш роман был бурным, по-итальянски темпераментным и закончился

свадьбой. Он увез меня в Рим, и я смогла убедиться, что мои мечты о загранице не имеют ничего общего с действительностью.

Дабы не умереть от скуки, а заодно и от голода (муж вскоре ушел от звезды, обзавав того бездарем и занудой), и вспомнив, что за плечами у меня музыкальная школа, я начала петь в захудалом ресторанчике по соседству с нашим домом. Антонио по доброте душевной написал для меня несколько песенок, чтобы разнообразить мой репертуар. Песенки неожиданно понравились. Потом меня услышал музыкальный продюсер, бог знает как оказавшийся в нашем заведении. Последовал невероятный поворот судьбы, и мой муж в одночасье стал знаменитым. Звезды выпрашивали у него песни, звукозаписывающие студии рвали на части, а он на пути к вершине славы внезапно утонул в ванне. Сел в холодную воду с желанием протрезветь, но вместо этого уснул и захлебнулся. Я в то время находилась в Милане и не могла при всем желании вытащить его из ванны. Знал бы он, какая слава ждала его впереди, поостерегся бы трезветь подобным образом и просто вставал бы под холодный душ.

Похоронив мужа, я, порывшись в его бумагах, обнаружила еще семь очень неплохих мелодий. Я продала их с большой для себя выгодой и вернулась на родину, решив, что в Италии, по большому счету, делать мне нечего.

Родина встретила меня ласково: вдова известного итальянского композитора и сама почти певица. При желании я бы могла сделать неплохую карьеру, но желания у меня не было. Я искала спутника жизни и мечтала о женском счастье (сказать по правде, нашу жизнь с первым мужем назвать счастливой можно было лишь в приступе белой горячки).

Претендентов на мою руку и сердце было множество, но как-то не верилось, что кто-то из них в самом деле меня осчастливит. Одних интересовали мои деньги, других неземная красота. И те и другие намеревались попользоваться, а мне хотелось, чтобы меня носили на руках.

Вот тут-то и появился Костас, его привел ко мне в гости один мой знакомый поэт. Костас уничтожил все продуктовые запасы в моем холодильнике и между делом научил меня смешивать краски. Я была ему благодарна и вскоре вышла за него замуж. Потом он сделался знаменит, запил и умер, а я вновь задумалась о женском счастье.

К тому моменту я была очень богатой женщиной и мне следовало соблюдать осторожность, потому что аферистов, как известно, пруд пруди, а мы настолько беспомощны, когда речь заходит о чувствах... Многие кандидатуры были с негодованием отвергнуты мною. Бизнесмены и политики меня пугали, душа стремилась к людям творческим, и тут Борис Петрович Артемьев попал под колеса моей машины.

Произошло это поздней осенью в десять часов вечера. Фонари в переулке отсутствовали, а Борис Петрович игнорировал светофор и к тому же переходил дорогу в неполюженном месте. В результате заметила я его слишком поздно. Я затормозила, отчаянно взвизгнув. Он метнулся, точно испуганный заяц, но все равно его бедро пришло в соприкосновение с крылом моей машины. Он рухнул на асфальт. Я выскочила из машины. Борис Петрович стонал, но в больницу ехать отказался наотрез. В результате я привезла его к себе, где мы и познакомились.

Борис влюбился в меня с первого взгляда. По крайней мере, он не раз заявлял об этом в своих многочисленных интервью. Не берусь утверждать, но точно помню, что мою квартиру после происшествия в переулке он покидал крайне неохотно, ближе к вечеру следующего дня. За это время он успел трижды покушать, принять ванну, выспаться и рассказать мне историю своей жизни. В ней было много страданий и завистников. Я прониклась сочувствием, тем более что Борис Петрович без конца потирал поврежденное бедро и морщился. Через день он пришел опять, сообщив, что обнаружил во мне родственную душу. Согласитесь, такое происходит не часто. Потом он стал захаживать ежедневно и вскоре уже практически не покидал моей квартиры – должно быть, из-за боязни, что назад я его не пущу. Но я была далека от этого. Стоя возле камина с кружкой горячего глинтвейна, Борис Петрович сообщил, что намерен взяться за роман, что и выполнил буквально на следующее утро, то есть позавтракал и взялся.

Процесс увлек не только его, но и меня, роман был написан в рекордные сроки: двадцать семь дней. Потом еще три месяца Борис Петрович, как он выразился, его отшлифовывал и наконец-то отнес в издательство. Рукопись приняли и вскоре напечатали. Книга стала бестселлером, а Борис Петрович уверенно устремился к вершинам славы. Но перед этим сделал мне предложение. Мы обвенчались в сельской церкви на родине Артемьева и восемь лет прожили душа в душу, хотя, не выдержав бремени счастья, Борис Петрович начал употреблять, увлекаясь алкоголем все больше и больше. Но я к этому относилась с пониманием, и данное обстоятельство разлад в семью не внесло.

Однако моя забота все же не спасла Артемьева от безвременной кончины, которая произошла год назад. И теперь мы с Софьей прикидывали, сколько народу прибудет завтра, чтобы подготовиться, не ударить в грязь лицом и достойно помянуть покойного.

– Шампанское вряд ли понадобится, – заметила Софья, качая ногой и играя шлепанцем. По причине жары она была в шортах, майке, смешной шапочке с ушками из пластмассы. Наряд совершенно нелепый, но он очень нравился Софье, а Софья нравилась мне.

Она считалась моим секретарем, но была подругой, хотя и работы ей хватало. Наследство, доставшееся мне от трех мужей, требовало внимания. Авторские права Артемьева перешли ко мне, издательства умоляли передать им рукописи, которые муж практически закончил. В общем, голова пухла от множества дел, и обойтись без Софьи было невозможно.

Она жила в нашем доме, потому что семьи у нее не было и она не собиралась ею обзаводиться. Сейчас, разглядывая ее, я вдруг поняла, что она спятила: красивой молодой женщине стоило подумать... Впрочем, у нее было столько романов, что недостаток в любви она вряд ли испытывала, а семья... в конце концов, у нее есть я, а у меня есть она. Совсем неплохо, если вдуматься.

Софья среднего роста, стройная, ее фигура до недавних пор больше напоминала мальчишескую. Потом Софья решила, что ее необыкновенно украсит роскошный бюст, и отправилась за ним в клинику. После хирургического вмешательства бюст превзошел самые смелые ее ожидания, Софья невероятно гордилась им и охотно демонстрировала.

– Куда ты смотришь? – вдруг спросила она, оторвавшись от бумаг, что лежали на столе.

– На твой бюст, – ответила я.

– Миленько смотрится, правда?

– Ты говоришь о нем, как о новой шляпке, – усмехнулась я.

– Трудно воспринимать его органично, – скривила она забавную физиономию и тут же добавила: – Тебе этого не понять, у тебя настоящий лучше моего силиконового. И мои страдания...

– У тебя ноги красивее, чем у меня, – поспешила заверить ее я, желая отбить у нее охоту жаловаться.

– Не смейся, – презрительно фыркнула Софья. – Ты само совершенство. Мне понадобится угробить не один год, прежде чем я смогу приблизиться... Я тебя про шампанское спросила, – нахмурилась она. – Ты все знаешь, скажи, шампанское уместно на поминках?

– Закажи десяток бутылок, – пожалала я плечами. – В конце концов, это встреча старых друзей...

При слове «друзья» Софья закатила глаза, давая понять, что она думает о таких друзьях.

– Хорошо. Пусть лежат на всякий случай, у тебя через месяц день рождения, все равно покупать. Красное вино есть, белого тоже хватит. Закажу мартини, коньяк прислал Ашот, кстати, он звонил, возможно, на днях заглянет... В доме нет водки, а твои литературные дамы хлещут ее стаканами. Придется заказать ящик.

– Аглая тоже перешла на водку, – заметила я. – Утверждает, что для здоровья она полезней.

– Она ж коньячок уважала.

– Теперь она вегетарианка, а из алкоголя пьет только водку, причем исключительно «Довгань Дамская».

– Вот как, – Софья быстро сделала пометку в ежедневнике. – Водка вправду хорошая, или дама, как всегда, интересничает?

– Хорошая, – кивнула я. – Я пробовала.

– Ты пила водку? – вроде бы не поверила Софья.

– Как русский человек, имею право расслабиться. По-моему мнению, водка должна отвечать трем требованиям: не вонять так, что с души воротит, иметь мягкий вкус, чтобы плечами не дергать, когда пьешь, а главное, с утра не мучиться головной болью. Всем трем условиям она отвечает, так что пиши: водка «Довгань Дамская», ящик.

– Чем больше я тебя знаю, тем больше убеждаюсь, что не знаю тебя вообще, – посетовала Софья.

– Что еще за глупости?

– Нет, правда, ну где ты водку пила? У себя в комнате, когда никто не видит?

– На приеме у Соболевского, куда ты со мной не поехала. И там как раз подавали «Довгань Дамскую». Жена Соболевского большая поклонница этого напитка, все уши прожужжала. Оказывается, это старинный рецепт, который был утерян. В наше время правнучка некоего дворянина с юга России нашла его в бумагах предков и решила возродить производство.

– Везет же некоторым. Мне предки оставили только долги по квартплате. И что дальше? Девушке повезло и она разбогатела?

– Насчет богатства не знаю, но качество водки отменное. В старину дамы ее очень уважали, отсюда и название. Соболевская рассказывала, что у девушки было несколько рецептов, но их похитил один шустрый малый, однофамилец, который набивался в родню. Потрясающая детективная история. Жаль, Артемьев умер, мог бы использовать ее в своем романе.

– И чем же все закончилось?

– Шустрый малый позаимствовал все рецепты, кроме одного. Этой самой «Довгань Дамской». Рецепт был в любовном письме, которое, по счастью, в руки ему не попало.

– С мужиками надо держать ухо востро. Слушай, а из чего вообще водку делают? – додумалась спросить Софья.

– «Довгань Дамскую» делают с использованием настоя яблок и винограда. Причем определенных сортов. А вообще из чего угодно. Текилу, к примеру, из агавы.

– Брехня, – нахмурилась Софья. – Хотя черт его знает... Лучше свое, отечественное. Яблоки и виноград все-таки предпочтительнее агавы.

– Естественно, что после таких рассказов я не могла не попробовать «Дамскую». Попробовала и осталась довольна.

– А-а, – кивнула Софья и вроде бы успокоилась. Надо сказать, она довольно ревнива и терпеть не может, когда что-то в моей жизни происходит без ее участия. Но в данном случае она сама виновата, к Соболевским ее приглашали, но она не поехала: полгода он был ее любовником, и у Софьи, по ее собственному выражению, «глаза на него не смотрели». – Меню с Розой мы уже составили, напитки закажу сегодня, остается определиться с гостями. Ты, я, Макс, Кристина, наши литературные дамы в количестве четырех штук... Далее: в гости напрашивается некий господин Хоботов, пишет, что он друг покойного. Ты такого знаешь?

– Должно быть, собутыльник. Пусть приезжает, места хватит всем.

– Твоя доброта не знает границ, – совершенно серьезно заметила Софья. – Еще письмо от некой Болеславской Ирины Витальевны. Эта пишет, что она твоя закадычная подруга, хотела бы встретиться, выразить сочувствие, и все такое...

– Болеславская? – задумалась я. – Ах, это Ирина, мы с ней вместе в цирке работали.

– Ты работала в цирке? – растерялась Софья.

– Я там клетки чистила. – Лицо ее вытянулось, а мне стало стыдно. – Вру. Я была ассистенткой фокусника, он засовывал меня в ящик, а потом распиливал.

– По-твоему, я так тщательно составляла твою биографию для того, чтобы ты отмачивала свои шуточки? – сурово поинтересовалась Софья. – Не вздумай такое брякнуть при посторонних.

– Позвони Ирине и скажи, что я с радостью встречу с ней, – предпочла я сменить тему.

– Будет еще Чемезов, приятель Кристины. Как думаешь, у них это серьезно?

– Надеюсь.

– Макс тоже собирался пожаловать с подружкой. У него их три десятка, потому не знаю, с какой именно.

– Оставь мальчика в покое, – отмахнулась я.

– Кстати, о мальчике. Когда поблизости болтаются фотографы, старайся держаться от него подальше.

– С какой стати? – удивилась я.

– Зачем вызывать у людей ненужные мысли? Общественность считает, что тебе где-то в районе тридцати, а тут взрослый парень в сыновьях.

– Он сын Артемьева.

– Неважно. Мысли все равно возникают.

– Ну и что? Я же не солистка девчачьей группы...

– А вдруг ты ею решишь стать? – пожала плечами Софья. – Опять же на последней фотографии в журнале ты выглядела моложе Макса, а он так старательно тебя обнимал...

– Ты совершенно спятила, – разозлилась я. – Я люблю Макса, он хороший мальчик...

– Он успел вырасти, ему уже двадцать три года. И теперь, когда умер его отец...

– При чем здесь это?

– Смею напомнить, – в свою очередь разозлилась Софья, – что желтая пресса окрестила тебя «профессиональной вдовой». Твои мужья умирали на пике карьеры, оставив тебе приличное состояние, а главное, авторские права. Кстати, опять звонили по поводу твоего портрета. Его просто жаждут приобрести...

– Мне не нравится выражение лица на этом портрете.

– Опять-таки смею напомнить, что ты тратишь слишком много, наши расходы...

– Продадим портрет с синей рюмкой, – перебила ее я.

– С чем? – скривилась Софья.

– С синей рюмкой. А что, звучит неплохо. Под таким названием и представим его в каталоге. Через три месяца аукцион, и мы опять разбогатеем. К тому же не забывай о книгах Артемьева. Скворцова жаждет их получить, а это значит, мы заключим договор на самых выгодных для себя условиях.

– Только держись подальше от Макса, – вздохнула Софья. – Его чувства к тебе ничего общего с сыновними не имеют.

– Прекрати говорить гадости.

– Я не говорю гадости, я констатирую факт.

– Ему прекрасно известен мой возраст...

– А кого это волнует? Уж точно не его.

– Такие отношения совершенно бесперспективны, Макс разумный мальчик и понимает...

– Вот уж нет. Я не его разум имею в виду. Тут ты права, он в семействе точно приبلудный. То есть по поводу мамы ничего не скажешь, умна, стерва, а папуля... тьфу ты, о покойниках плохо не говорят. Кажется, я мысль потеряла.

– Не ищи ее, лучше выпей чаю.

– Ах да, вспомнила. Макс умный мальчик, но он в тебя влюблен. Разница в возрасте имеет место быть, но ты молодая женщина, красавица и способна...

– Прекрати, – взмолилась я. – Звучит, как на моих похоронах, я сосредоточие всех достоинств.

– Недостатки тоже есть, – пожалала плечами Софья. – Но они не идут ни в какое сравнение... А если кто-то из желтой прессы разносит... Один намек – и скандала не избежать. Вся эта свора завопит, что ты свела мужа в могилу, чтобы заполучить сыночка, или что сыночек свел в могилу папашу, чтобы расчистить себе дорожку, что для нас ничуть не лучше. Мальчик восхищается тобой, я бы даже сказала, благоговеет, но если ты поведешь себя с ним не как мачеха, а как женщина...

– Господи, как ты мне надоела, – не выдержала я. – Ты же знаешь, я люблю Макса как сына, которого у меня никогда не было и, похоже, не будет. Меня никогда не интересовали мужчины моложе меня, во мне слишком развит материнский инстинкт, хочется им помочь, оградить от неприятностей, но не более того. И здесь даже неважно, на сколько лет он моложе – на три или на десять.

– Слава богу, значит, стоит опасаться только тех, кому ближе к сорока, чем к тридцати, – дипломатично выразилась Софья. – Но и здесь неплохо бы повременить. Твое последнее увлечение...

– Замолчи немедленно, – по-настоящему разозлилась я. Софья схватила чашку и с постным видом отхлебнула глоток. Я отвела взгляд с намерением насладиться пейзажем.

Вид с веранды открывался великолепный. Дом находился в пригороде, в весьма живописном месте. До ближайшей остановки троллейбуса отсюда всего-то десять минут на машине, а чувство такое, что ты за тысячу километров от цивилизации.

Этот дом мы купили у чиновника высокого ранга, который по милости злодейки-судьбы оказался под следствием. Вокруг шумел сосновый бор, полтора десятка домов совершенно терялись в нем. Участок огромный, на нем тоже росли сосны. Дом стоял на высоком берегу реки, к которой вела мраморная лестница, на реке была устроена купальня.

Разумеется, вся территория была обнесена высоким забором. Попасть на территорию, так сказать несанкционированно, можно лишь по воде, ставить забор в реке показалось глупым даже высокому чиновнику, а меня и вовсе заборы не занимали. Даже от видеокамер я отказалась. Конечно, имелась сигнализация, но ею пользовались, только когда я надолго уезжала, а Роза и Наташа на это время покидали дом. Кроме них, при доме практически постоянно жили двое мужчин: сторож и садовник. Оба преклонного возраста.

На реке, кроме купальни, была пристань, возле которой в настоящий момент замерли две моторки. Костас после покупки дома пытался все здесь перестроить, но я вовремя вмешалась, и нанести настоящий ущерб дому он не успел. Возвел лишь застекленную веранду вдоль всего фасада, несколько изувечив его, но здесь было очень приятно отдохнуть, и я смирилась.

Дом был построен в форме буквы П, повернутой ножками в сторону реки, фасад в неоклассическом стиле (до вмешательства Костаса, разумеется) выходил к дороге, правда, от дороги дом отделяли сосновая роща и лужайка, с двух сторон были разбиты цветники. Возле ворот домик сторожа. От домика к реке шла березовая аллея.

Я любила этот дом и предпочитала жить здесь, хотя не всегда это удавалось, мне часто приходилось колесить по свету. Зато я всегда знала, что меня ждет мой дом.

Пейзаж, легкий ветерок, солнце, которое довольно высоко поднялось над рекой, настроили меня на лирический лад. Я блаженно потянулась и тут вспомнила, что время неумолимо движется к полудню, а я еще в пеньюаре.

– Парикмахер будет в одиннадцать, – точно угадав мои мысли, сказала Софья. Я кивнула.

– Тогда с чаепитием закругляемся.

Я уже собралась встать, когда на веранде появилась Наталья.

– Лариса Сергеевна, – сказала она, – вам письмо. – И протянула мне конверт. Вообще-то почту разбирала Софья, оттого поступок Натальи слегка удивил меня. О распределении обязанностей ей хорошо известно, но тут она добавила: – Просили лично в руки и срочно.

– Кто просил? – нахмурилась Софья, наблюдая за тем, как я вскрываю конверт.

– Подъехал парень на «Жигулях». Курьер, наверное, – пожал плечами Наталья. – Семеныч конверт принял – и ко мне.

– Сколько раз повторять, никакой самодеятельности, – вздохнула Софья. – Вам бомбу в руки сунут, а вы ее с благодарностью принесете в дом.

– Какую бомбу? – испугалась Наталья.

– Софья шутит, все нормально, – кивнула я. Наталья ушла, а я нахмурилась, потому что к тому моменту уже извлекла письмо из конверта и ознакомилась с его содержанием. Письмо было лаконичным. «Готовься к расплате».

– Что там? – насторожилась Софья. Я молча передала ей листок. Она взяла его в руки и тоже нахмурилась. – Вот зараза, подписи нет. Как думаешь, кто это? – Я пожал плечами. – По-твоему, это серьезно? Есть на нас какой грех, или злопыхатели?

– Кто ищет, тот всегда найдет, – философски заметила я. – Но письмо серьезным мне не представляется. Кто-то решил попугать накануне знаменательной даты.

– Кто-то из почитателей Артемьева, которого ты, по их мнению, свела в могилу?

– В могилу Артемьева свело пьянство. Но кому это интересно?

– Не хотела говорить тебе, но в одной из газетенок появилась статья к годовщине смерти знаменитого писателя, и там черным по белому написано, что ты его отравила. А далее намеки на твои связи и прочее... Мол, оттого никто не удосужился провести следствие. То, что супруга кремировали, болтунам лишь на руку.

– Это была воля покойного.

– Да плевать на нее, – отмахнулась Софья. – И в земле бы полежал, невелика разница. – Тут она вдруг замолчала и с сомнением посмотрела на меня. Я пожал плечами. – Зная его надоедливость... чего доброго, начал бы по ночам таскаться.

– О господи...

– Лариса Сергеевна, – услышала я. В дверях стоял Семеныч с очень решительным выражением лица. В руках он держал гроссбух, которым потрясал в воздухе, точно щитом. – Чего это Наталья ругается? Я все по правилам сделал, документ проверил, номер записал. Вот, Софья Андреевна, полюбуйте, у меня комар носа не подточит. – Он хлопнул гроссбух на стол перед Софьей и победно взглянул на меня.

– Чего тут? – буркнула подружка.

– «Жигули» номер 404 КИ.

– Служба доставки?

– Так точно. И документ соответствующий у молодого человека имелся. Иначе бы я не принял. Я правила знаю.

– Черта лысого ты знаешь, – услышали мы скрипучий голос, и все трое невольно вздрогнули.

На веранде появилась тетушка Сусанна в цветастом платье, соломенной шляпке и нитяных перчатках. Жизнь изрядно скрючила ее, она опиралась на дубовую палку, и если бы не веселенький наряд, запросто могла бы играть Баб-ягу без грима. Злобное выражение физиономии сходству только способствовало.

Сусанна ткнула своей клюкой в сторону Семеныча и прошипела:

– Дармоеды проклятые. Расплодила, аферистка, сама непутная и всяческую шваль вокруг себя собирает.

– Иди, Семеныч, – поспешно сказала я. Он бочком просочился мимо Сусанны, пребывая в величайшем напряжении: старушке ничего не стоило огреть его клюкой, сила в ее тщедушном теле была прямо-таки фантастическая.

Но Семенычу повезло, он выскользнул за дверь без всяких увечий, не удержался и, пользуясь тем, что Сусанна теперь от него довольно далеко, а главное, стоит спиной, досадливо плюнул.

– Чай они пьют, – продолжила Сусанна. – Бездельницы. А ты, лошадь здоровая, в коротких штанах, – комплимент адресовался Софье, – весь срам наружу, смотреть противно... Полный дом дармоедов, а за порядком смотреть некому.

– Тетушка, не хотите ли чаю? – ласково предложила я.

– Пила уже. Три раза пила. Ты мне лучше скажи, кто к тебе шастает, бесстыдница? Только мужа похоронила, чтоб на нем, кровопийце, на том свете черти воду возили, а уже за старое? В монастырь тебе надо, грехи замаливать, а ты все...

– Если она уйдет в монастырь, вам придется переехать в дом для престарелых, – ядовито сказала Софья и улыбнулась от уха до уха. – Так что подумайте, прежде чем давать дурацкие советы.

– Тебя забыли спросить. Молиться тебе надо, – вновь обратилась ко мне Сусанна, – а не с мужиками шашни крутить. Бесстыдница.

– Тетушка, какие шашни? Я весь год в посту и молитве. В эротическом смысле.

– А к кому тогда шастает? Значит, к этой голенастой.

– Вот уж нет, – возмутилась Софья. – Да с чего вы взяли?

– А с того, что слышу. Две ночи подряд по коридору шмыг-шмыг, возле твоей двери затихнет, а через час назад – шмыг.

– Через час? Это не ко мне, – покачала головой Софья. – Я б своего до утра не отпустила.

– Слушать тебя тошно, – рыкнула Сусанна.

– Тогда с глупостями не приставайте.

– А вам не послышалось? – спросила я, нимало не сомневаясь в правоте Сусаниных слов, что-то, а слух у старушки отменный, так же, как и взгляд. Ей бы в милиции служить розыскной собакой.

– Мне не слышится, потому как я в трезвом уме пребываю. Водку ящиками не заказываю.

– Тетушка, вам никто не говорил, что подслушивать нехорошо? – робко заметила я.

– Тебе в ноги мне поклониться надо, – возвысила она голос. – На мне весь дом держится. Если б не я, ты давно бы по миру пошла с такими-то друзьями и советчиками.

– Давайте вернемся к тому, кто шастает по коридору, – дипломатично предложила Софья.

– Шастает, – удовлетворенно кивнула тетушка. – Две ночи подряд, либо к тебе, либо к Ларке. У вас двери напротив, он там замирает, и более его, подлеца, не слышно.

Мы с Софьей с недоумением взглянули друг на друга. В том, что ко мне никто не «шастает», я была абсолютно уверена, но и в том, что шастают к Софье, тоже сомневалась. Прежде всего, таиться ей ни к чему, ее возлюбленный мог появиться здесь вполне официально. А если не мог? Если он по какой-то причине вынужден хранить свою любовь в тайне? Софья совершенно не способна иметь от меня секреты, непременно бы проболталась. Да и я заметила бы ее мучения, потому что по-другому словесное воздержание и не назовешь.

Однако, если Сусанна говорит «шастает», тут тоже можно не сомневаться, ее качества ищейки заслуживали лучшего применения. Выходит, Софья вынуждена скрывать от меня возлюбленного, а скрывать она его может лишь в том случае, если ее интересы идут вразрез с моими. Если учесть, что у меня нет мужчины даже на примете, то... «Макс, – подумала я. – То-то она так беспокоится о моей нравственности». Софья смотрела на меня с задумчивостью, потом вдруг поморщилась, закусила губу и отвернулась. Почему-то я была уверена, что то же

самое имя пришло в голову и ей. Интересно, почему она отвернулась: решила, что я догадалась, или подозревает, что он действительно ходит ко мне, и досадует на мою неосторожность? Надо бы все это выяснить, разумеется, когда мы избавимся от Сусанны.

– Что примолкли, вертихвостки? – точно получив сигнал к бою, возопила старушка.

– Может, вам стоит принимать успокаивающее? То есть я хотела сказать снотворное? – поспешно поправила я.

– Я бы и так прекрасно спала, не устрой вы в доме бордель.

– Это уж слишком, – пробормотала Софья и зачем-то схватила сахарницу. Я испугалась, что она, чего доброго, метнет ее в старушку, и торопливо поднялась.

– Меня ждет парикмахер.

– Все прихорашиваешься, – мгновенно отреагировала тетушка. – Прямо расцвела, как мужа-то схоронила. Другие слезы льют, а ты все хорошеешь. Вон как скачешь, точно коза. А ведь уже не девочка. Сколько тебе годов-то будет, я все забываю?

– Я ровно в пять раз моложе вас, – ответила я с ласковой улыбкой. – Вы вполне могли бы быть моей прапрабабушкой.

– Это точно, – кивнула Софья. – Возьмите калькулятор и сосчитайте. Только боюсь, что свой возраст вы успели забыть.

– Не волнуйся, – ответила Сусанна, а мы поспешили покинуть веранду, таким образом, поле боя осталось за ней.

– Когда-нибудь я ее придушу, – мечтательно сказала Софья. – Слушай, а каков возраст долгожителя, зарегистрированного в Книге рекордов Гиннеса? – с беспокойством спросила она.

– Каким бы он ни был, Сусанна его переживет, – сладким голосом убила я чужую мечту. – Авраам жил девятьсот лет, если верить Библии.

– Кто ж Библии не верит? Мама дорогая... – Мы разом засмеялись, спускаясь по лестнице.

Внизу меня ждал парикмахер. Я свернула в боковой коридор, туда выходила комната, соединенная с моей личной ванной. Именно в этой комнате парикмахер обычно занимался моей прической. Софья толкнула ближайшую дверь, там был ее кабинет. В это время она разбирала почту, отвечала на звонки и письма. Через час мы встретимся вновь, она сообщит мне новости, которые сочтет заслуживающими моего внимания, а я продиктую ответы на письма, если это понадобится. В особо экстренных случаях Софья приходила ко мне, и тогда я диктовала ответ, пока мастер делал мне прическу. Однако я этого очень не любила и Софья тоже.

В доме все жили по установленным правилам, распорядок дня был практически неизменным. Тетушка Сусанна пойдет отдыхать, потому что встает ни свет ни заря и начинает изводить Наталью. Наталья тоже сможет отдохнуть, другого времени у нее просто не будет, Семеныч отправится за продуктами, а Роза будет готовить обед.

– Все просто отлично, – пробормотала я, испытывая смутное беспокойство. Неужто слова Сусанны так подействовали на меня? С какой стати? Если Софья крутит роман с Максом, я не возражаю. У Софьи, в отличие от меня, нет возрастных ограничений при выборе мужчин, а Макс у общения с ней пойдет на пользу. Как любит выражаться Софья, «старая кобыла борозды не портит». Тогда отчего на душе кошки скребут?

Обычно мы с парикмахером болтали все то время, что он работал. Денис обожал поговорить и знал обо всем, что происходит в городе. Я охотно поддерживала беседу. Но сегодня все было по-другому. Слушала я его невнимательно, то и дело теряла нить разговора, отвечала невпопад, он обиделся и замолчал, а я продолжила копаться в себе, пытаюсь отыскать причину беспокойства. «Надо было спросить у Софьи о ее госте, не пришлось бы сейчас ломать голову», – досадливо подумала я и как раз в этот момент услышала крик.

Кричал, вне всякого сомнения, Олег Петрович, наш садовник. «Должно быть, кто-то из соседских ребятишек пролез на территорию», – решила я, но крики не утихали.

– Что там случилось? – проявил любопытство Денис и даже выглянул в окно. Совершенно напрасно, между прочим: окно выходило на дорогу, а крик раздавался из сада, то есть с противоположной стороны.

Тут дверь комнаты без стука распахнулась, и я увидела Наталью. Лицо ее покраснелось, точно она бежала бегом не один километр, глаза вытаращены, она комкала руками передник, потом вытерла им глаза и заголосила:

– Лариса Сергеевна, голубушка, горе-то какое...

– Что случилось? – вскочила я.

– Сусанна выпала из окна...

– Что значит – выпала? – растерялась я.

– Свалилась со второго этажа и, должно быть, что-то сломала.

– Слава богу, – вздохнула я, но тут сообразила, что звучит это, мягко говоря, сомнительно, и развила свою мысль: – Я-то боялась, что она, чего доброго, разбилась насмерть.

Лицо Натальи приняло довольно странное выражение, в нем явно читалось сожаление.

– Жива, слава тебе господи, но расшиблась, должно быть, сильно, мычит и очень гневается.

– Где она?

– В клумбе.

– Почему в клумбе? Ах ты господи... Идемте же скорее.

Мы бросились в сад. Наталья бежала первой. Зря Сусанна утверждала, что она нерасторопная, двигалась Наталья очень живо, я за ней едва попевала в развевающемся пеньюаре и в домашних туфлях, которые соскальзывали с ног. За мной трусил Денис, дважды он чуть не наткнулся на меня, когда я внезапно тормозила, лишившись обуви, и деликатно покашливал. Обогнать меня он так и не решился, должно быть сочтя это невежливым. Таким образом мы оказались в саду. И возле дома в самой большой клумбе я увидела Олега Петровича, Софью и Розу, они что-то разглядывали на земле. Я подбежала ближе и наконец увидела Сусанну. Старушка лежала на спине, сложив на груди ручки, точно готовилась скончаться. Я подняла голову: судя по всему, она выпала из окна своей комнаты, высота приличная.

– С ума она сошла, что ли? – пробормотала Софья. Я шикнула на нее и обратилась к Сусанне:

– Как вы себя чувствуете?

– Мерзавец, – прошипела она. – Вор. Тюрьма по нему плачет.

– По кому? – не поняла я. Забота о здоровье тетушки отошла на второй план – если Сусанна по-прежнему ругается, значит, ничего страшного. Да и что какой-то второй этаж для старушки?

– Это он, – грозно сказала она, ткнула в меня пальцем, откинула голову и более не произнесла ни слова, лишившись сознания.

Мы в растерянности переглянулись.

– Неужто умерла? – пробормотала Роза. – Быть такого не может.

– Да звоните же в «Скорую»! – завопила я.

Первым в себя пришел Денис, он и вызвал «Скорую помощь». Мы ждали ее, продолжая толпиться в клумбе.

– Нет чтобы в кусты упасть, – горестно вздыхал Олег Петрович, оглядывая клумбу, которая теперь выглядела так, точно на ней паслось стадо бегемотов. – Бабушке-то все равно, в кустах тоже мягко, а здесь труд двух месяцев. Ведь каждый цветочек...

– Олег Петрович, замолчите, – шикнула Софья. – О цветах ли сейчас печалиться, когда мы потеряли тетушку... возможно, – добавила она со вздохом.

– Вряд ли, – с сомнением заметила Наталья, приглядываясь к старушке. Должно быть, Наталья, как и я, считала Сусанну бессмертной.

– Кто-нибудь видел, как это произошло? – спросила я.

– Я была в кухне, – пожала плечами Роза.

– Я у себя, – торопливо заговорила Наталья. – Слышу, Олег Петрович кричит, ну, я сюда...

– Я тоже услышала, как кричит Олег Петрович, – пояснила Софья. Окна ее кабинета тоже выходили на дорогу, следовательно, видеть она ничего не могла.

Мы уставились на Олега Петровича. Выходило, что если кто-то что-то видел, так только он. Олег Петрович крикнул, еще раз оглядел клумбу и заявил:

– Я видел, как бабушка из окна вылезала.

– В каком смысле? – растерялась я.

– Ну... открыла окошко и, видно, что-то рассматривала, вылезла до самых ног. Я еще подумал, как бы не свалилась.

Я вновь подняла голову. Окна второго этажа французские, то есть до самого пола, окно Сусанны распахнуто настежь, что неудивительно при такой погоде. В целях безопасности на окне укреплено кованое ограждение, наподобие балконного, высотой пятьдесят сантиметров. Если очень увлечься, вполне можно вывалиться.

– Что ее так увлекло? – спросила Софья, обращаясь к Олегу Петровичу. Как видно, ее волновали те же вопросы, что и меня.

– Кто ж ее знает, – пожал плечами Олег Петрович. – Вон в ту сторону смотрела, – ткнул он пальцем в правое крыло здания. На первом этаже там размещалась кухня, на втором – спальня Софьи и кабинет покойного мужа, окна моей спальни выходили на другую сторону. Я вспомнила слова Сусанны и невольно нахмурилась.

– Если она следила за мной, то совершенно напрасно, – заявила Роза. – Я сроду чужого не брала, хоть ты меня обыскивай. И нечего за мной в замочную скважину подглядывать.

– В вашей честности никто не сомневается, – поспешно заверила ее я. Терять такое сокровище, как Роза, не хотелось, а дама она характерная, чего доброго, хлопнет дверью, и где я найду ей замену?

– Чего ж мы стоим здесь? – озарило Наталью. – Надо ее в дом перенести.

– Нельзя, – вмешался Денис. – Если у нее переломы, то пусть до врачей лежит, а если умерла, то до милиции.

– О господи, – ахнула Наталья, и тут со стороны улицы раздался автомобильный сигнал.

– Наверное, «Скорая», – обрадовалась я.

– Я встречу, – сказала Наталья и побежала к калитке. Все это время тетушка лежала, запрокинув голову, не подавая признаков жизни.

– Все-таки второй этаж, – с надеждой заметила Софья и в ответ на мой укоризненный взгляд торопливо перекрестилась.

Врач был молод и обладал редким чувством юмора, в том смысле, что его шутки казались смешными только ему.

– Бабка-космонавт, – заметил он, с интересом разглядывая окно, из которого выпала Сусанна. – А чего надумала прыгать без парашюта?

– Слушайте, она жива или нет? – взмолилась Софья. – Люди волнуются...

– Жива, – наконец-то обратив внимание на Сусанну, ответил врач. – Такие старушки только с виду хлипкие, а на самом деле им сносу нет. Вот и эта... Свались я со второго этажа, непременно чего-нибудь сломал.

– А она ничего не сломала? – разволновалась Роза.
– Да вроде нет.
– Отчего ж она сознание потеряла?
– Думаю, с перепугу. Возможно, у нашей космонавтки сотрясение мозга, но это сразу не скажешь.
– Тогда приведите ее в чувство, – возмутилась я.
– А вам это надо? – серьезно спросил он.
– В каком смысле? – растерялась я.
– В том, что, может, и неплохо, если она немного помолчит?
– Да, торопиться, пожалуй, не стоит, – влезла Софья.
– Старушку мы забираем. – Я поеду с вами, – вызвалась моя подруга и секретарь. – А ты приляг и отдохни, – повернулась она ко мне. – Береги нервы. У тебя завтра тяжелый день. О Сусанне я позабочусь.

Вскоре Софья отбыла вместе с Сусанной на «неотложке», а я, вместо того чтобы прилечь, пошла доделывать прическу.

– Может, она бабочек ловила? – немного невпопад заметил Денис.
– Господи, ну зачем ей бабочки?
– Да, в самом деле... Тогда совершенно неясно, зачем она полезла из окна.

Меня этот вопрос тоже очень интересовал, поэтому, простившись с Денисом, я отправилась в сад, где и обнаружила Олега Петровича. Он возился с цветами возле самого спуска к реке.

– Как наша страдальца? – спросил он, завидев меня.
– Пока никаких известий.
– Бабушка крепкая, и характер у нее боевой, вы понапрасну-то не переживайте.
– Не могу понять, как это случилось, – посетовала я, устраиваясь в тенечке, здесь под высоким каштаном стояла скамейка. Олег Петрович отложил инструмент, снял перчатки и устроился рядом.

– Думаю, Ваську она гоняла. У них застарелая вражда. Она, как его увидит, все камнем норовит швырнуть.

– Кто такой Васька? – забеспокоилась я. В принципе, Васькой мог быть кто угодно, на свете не встретишь существа, с которым бы не враждовала Сусанна.

– Кот соседский, Игнатовых. Он иногда у нас гуляет. Интеллигентный кот, ходит только по дорожкам или по лужайке. А чтоб по клумбе – ни-ни. Так что непонятно, за что бабушка на него осерчала. Хотя я пару раз видел, как он на птичек охотится. Заляжет в траве и ждет. Может, она поэтому? Хотя птичек она тоже не любит – говорит, гадят.

– Васька черный такой, с белыми лапами? – спросила я.
– Он самый. Сегодня я его на вашем балконе видел. Кот, что с него возьмешь.
– А когда Сусанна упала, вы его тоже видели?

– Кота не видел, врать не буду. Видел, как бабушка из окошка лезет, вроде как до чего-то дотянуться хочет. Выходит, в Ваську метилась. Кроме него, кто тут еще может быть?

– А потом она упала?

– Как упала, я просмотрел, на цветы отвлекся. Вдруг слышу крик, и что-то шмякнулось. Поворачиваюсь, а в клумбе георгины полегли. У меня аж сердце сжалось, что за зараза, думаю... прошу прощения... И тут в голову мне пришла мысль, что бабушка пакость затевала, вот и висла в окне. Я к клумбе, а бабушка там лежит. Тут я понял, что она сама свалилась.

– Она вам что-нибудь сказала?

– Только одно слово.

– Какое?

– Болваном назвала, как всегда. Семеныч у нее раззява, а я болван. Бабушка для всех доброе слово находила.

– Почему вы ее бабушкой называете? – додумалась спросить я.

– Мне шестьдесят пять, а ей, поди, лет сто с небольшим, так кто ж она мне? Неужто помрет? – В голосе Олега Петровича мне почудилась надежда. Я досадливо отмахнулась.

– Все-таки это странно, – вздохнула я.

– Что?

– Ее поведение.

– Ничего подобного. Она на майские праздники на крышу залезла: решила, что Игнатов любовницу в дом привел, пока жена на отдыхе. А с нашей крыши Игнатовы как на ладони. Еле сняли, так увлеклась, что никаких уговоров слушать не хотела. Наталья ей туда обед носила.

– Почему мне не сказали?

– Вы в отъезде были, да и зачем вас волновать?

Я еще раз вздохнула и пошла к дому. Стеклопанельная дверь в сад была распахнута. Я вошла, решила было выпить кофе, но вместо этого стала подниматься по лестнице. Здесь меня догнала Наталья.

– Софья Андреевна звонила. У Сусанны сотрясение мозга и шея не в порядке. Еще шок. Опасаются инфаркта. Шея в гипсе, тетушка в реанимации, говорят, завтра будет видно. Софья Андреевна там еще чуток побудет – и сюда. Вам беспокоиться не велела.

– Идемте со мной, – позвала я Наталью.

Мы подошли к двери тетушкиной комнаты. Чуть помедлив, я толкнула дверь и вошла первой. Сусанна терпеть не могла, когда в ее в комнату кто-то входил. Я здесь не была лет пять. Как-то тетушка слегла с простудой и вознамерилась проститься со мной. Прощание особо трогательным не получилось, Сусанна перечислила все мои грехи, пообещала мне геенну огненную и сказала, что после ее смерти я окончательно пропаду.

Обычно, идя по коридору, я инстинктивно обходила ее дверь стороной, впрочем, как и все домочадцы. По долгу службы трижды в неделю сюда навевывалась Наталья. После ее уборки Сусанна вопила на весь дом, что ничего из вещей не может найти, изводила Наталью глупыми придирками и обзывала грязнулей. Само собой, Наталья комнату тихо ненавидела, как, впрочем, и ее хозяйку.

Я огляделась. Тюлевые занавески на окне сдвинуты в сторону. Постель разобрана (Сусанна запрещала убирать ее, считая, что она должна проветриваться), слева шкаф, дверь в туалет, зеркало, диван и кресло. Телевизор Сусанна предпочитала смотреть в гостиной, но здесь он тоже имелся и в настоящее время работал. Наталья подошла и выключила его, а я направилась к окну, именно оно меня сейчас интересовало. Створки окна открывались вовнутрь, так как со стороны улицы, как я уже говорила, было металлическое ограждение со сложным рисунком в виде переплетенных ветвей и листьев. Я подошла к ограждению вплотную. Вид отсюда открывался прекрасный, но не он меня сейчас интересовал. Комната Сусанны находилась в центральной части здания, она была последней, далее коридор делал поворот, в левом крыле моя спальня, спальня Софьи и кабинет покойного мужа. Мои окна выходят на другую сторону, значит, если не кот Васька и не иное существо, с которым она враждовала, то Сусанну могли интересовать только окна спальни Софьи. Если Софья прятала там Макса... При сложившихся обстоятельствах мальчик, уже давно наплевав на конспирацию, являлся перед мои светлые очи. Последние слова Сусанны были «мерзавец и вор», они могли относиться как к Максиму, так и к коту, а также к Олегу Петровичу и любому другому существу мужского пола. Из этого делаем вывод: виновником своего падения Сусанна считала мужчину или кота, хотя пальцем тыкала в меня.

С этого места отлично видны окна Софьи, одно окно открыто, и даже занавеска не задернута, смотри сколько душе угодно. Весьма неосторожно со стороны Софьи, если она там дей-

ствительно кого-то прятала. Окна кабинета Артемьева Сусанну заинтересовать не могли, вот уже год, как туда никто не заглядывает. Кроме слоя пыли да никому ненужного хлама, там ничего нет. На первом этаже кухня и столовая. Я пригляделась получше: окна кухни зашторены, а вот столовую отсюда видно хорошо, но там в это время ничего интересного не происходит. Я в досаде покачала головой, потому что из-за осмотра места происшествия не стало понятнее, зачем тете понадобилось рисковать шеей.

– Вот туда она смотрела, – услышала я голос Олега Петровича. Он стоял внизу и наблюдал за мной. Ткнул пальцем в левое крыло дома и с грустью воззрился на изуродованную клумбу.

Тут я задела коленом обо что-то тяжелое и с изумлением обнаружила бинокль. Он висел на ограждении, зацепившись за него ремешком.

– А это что такое? – удивилась я, взяв его в руки.

– Неужто не знаете? – в свою очередь удивилась Наталья. Конечно, бинокли я видела и раньше, только как он оказался у тетушки? Тут выяснилось, что вовсе не о том спрашивала Наталья. – Она за Розой с биноклем следит. Оттого та окна и зашторивает. Кому приятно, когда под руку смотрят. И за мной следит, когда я убираюсь, и за Семенычем, и за Олегом Петровичем. За Игнатовыми тоже следит, но они ее напугали: сказали, что есть такая статья в законе, что ее можно за хулиганство привлечь, только после этого она перестала на крышу с биноклем лазить. Еще Абрамова выследила, тот с падчерицей на лодке катался и приставал к девчонке. Сусанна тут же жене позвонила, они еще к берегу пристать не успели, а Абрамова уже на развод подала. Абрамов обещал Сусанне ноги сломать, и она за ограду не ходила, боялась. Я Абрамова Христом богом просила сказать ей, что он пошутил, раз уж с женой помирился, ведь все внимание нам, раз за ворота ни ногой. Роза грозилась уйти, и я, если честно, думала, не выдержу. Он так и не позвонил, но, на счастье, она перестала бояться и опять начала за ним приглядывать.

Я с изумлением слушала Наталью. До сей поры я даже не подозревала, какая насыщенная событиями жизнь у тетушки.

– Сумасшедший дом, – пробормотала я и поспешила покинуть комнату. Выходило, что тетушку едва не погубило собственное любопытство. Роза зашторила окна, но тетушка упорно пыталась что-то рассмотреть на кухне и в результате свалилась в клумбу. Ее счастье, что там росли георгины, а не кактусы. Значит, Софью я подозревала напрасно, никого она в спальне не прячет.

Однако, когда Софья вернулась из больницы, вопрос был поднят вновь. Софья приехала только к обеду (обедают у нас поздно) и заверила меня, что смерть тетушке не грозит. Та пришла в себя и, судя по всему, вскоре встанет на ноги. Однако говорить почему-то она не может, лишь потрясает кулаками, очень беспокоя тем самым врачей.

– Они предложили связать ее, – вздохнула Софья. – Я им объяснила, что будет только хуже.

– А почему она молчит? – нахмурилась я. – Из-за травмы шеи?

– Врачи говорят, что это шок и скоро пройдет. По-моему, они сами толком ничего не знают. Твердят одно: в ее возрасте возможно всякое. Представляешь, что будет, если Сусанна не сможет говорить?

– Да уж. Нас ждут испытания.

– Одно хорошо: из больницы ее выпишут не скоро. Все-таки сотрясение и шея... Сиделку я уже на-шла. На всякий случай договорилась сразу с тремя. Если они будут сменять друг друга, глядишь, продержатся. – Тут Софья сделала паузу и многозначительно посмотрела на дверь. Обедали мы вдвоем, дверь в столовую была закрыта. – Значит, все-таки Макс? – недовольно сказала она.

– Что Макс?

– Мне-то не ври. Это он по ночам шастает по коридору?

– Забавно, – заметила я, отодвигая тарелку. – Признаться, я была уверена, что он ходит к тебе.

– Ко мне? С какой стати? Ополоумела совсем? Это ты у нас гений чистой красоты, а я для него тетя Соня. Как тебе в голову пришла такая глупость?

– Если не Макс, то чего ж ты жениха прячешь? – пожалала я плечами.

Софья взирала на меня с недоумением.

– Та-ак, – сказала она нараспев. – Ко мне ни-кто не ходит. И к тебе, как я поняла, тоже. Это что ж получается: Сусанне почудилось?

– Поверить в такое практически невозможно, – заметила я, и Софья со мной согласилась. – Тогда кто ходит, а главное – куда? Не в кабинет же Артемьева...

Тут Софья глубоко задумалась и после паузы, в продолжение которой я успела съесть десерт, произнесла:

– Слушай, а если кто-то в самом деле заинтересовался кабинетом твоего мужа?

– С какой стати? – удивилась я.

– С такой. Все знают, что он оставил две рукописи, возможно, даже четыре. Не мне тебе говорить, сколько это стоит.

– Не мне тебе говорить, – передразнила я, – что существует авторское право. Вряд ли вор заработает что-либо, кроме неприятностей. К тому же тебе прекрасно известно, что рукописей там нет. В кабинете бумаги Артемьева, в которых по большей части ничего интересного.

– Это точно. Покойный, заботясь о будущих биографах, складировал в шкафах всякую дрянь. Но вор может и не знать об этом.

– Меня беспокоит другое, – нахмурилась я. – Сусанна где-то раздобыла бинокль. Послушать Наталью, так она сидела в дозоре, как заправский разведчик. Из ее комнаты отличный вид как на левое крыло дома, так и на правое. А что у нас в правом крыле?

– Студия Костаса, то есть теперь твоя студия. Ты ведь обожаешь рисовать цветочки... ух ты, черт, – простонала Софья, из чего я заключила, что до нее наконец дошла моя мысль. – Думаешь... а там даже шторм нет.

– Какие шторы в студии? Художнику необходим свет. Хотя я-то могу и без света, то есть со шторами.

– Завтра же распоряджусь повесить. Еще бы узнать, привиделся ей ночной гость или у нас не только Сусанна проявляет излишнее любопытство.

Разумеется, разговор с Софьей меня не успокоил. Я пожалела, что в свое время не установила в доме видеонаблюдение. Может, стоило этим заняться?

Гости стали прибывать после десяти утра. Мы с Софьей отправились на утреннюю службу, из церкви проехали на кладбище. Выполнив волю покойного, то есть кремировав его, я понятия не имела, что делать с прахом. Развезть его над водами Ганга не решилась, раз такого указания не было, но ведь не в доме же его держать? Чего доброго, кошмары замучают. Как всегда, выручила Софья. Сначала она предложила построить для Артемьева мавзолей, но в конце концов мы ограничились памятником на кладбище, где и установили урну с прахом.

На подходе к памятнику выяснилось, что нас успели опередить, плита была буквально завалена цветами. Мы внесли свою лепту в виде двух букетов роз, красных и белых, которые покойный так любил при жизни. Я всплакнула, разглядывая памятник, сделанный по эскизу супруга, когда он еще не оригинальничал и намеревался упокоиться, как все. Черный мраморный крест высотой два метра, у основания череп, лавровый венок и надпись: «Спи спокойно». В оригинальном проекте значилось: «От благодарного Отечества», но мы после некоторых раздумий решили, что Артемьеву стоило быть скромнее, и обошлись расхожим пожеланием.

– Я сегодня всю ночь глаз не сомкнула, – заявила Софья. – Все прислушивалась.

– И что? – поинтересовалась я.

Она пожала плечами:

– Ничегошеньки не слышала.

– Так, может, это хорошо? – неуверенно предположила я.

– Вот уж не знаю. Вряд ли Сусанне почудилось. Если только она этого ночного гостя из вредности не придумала.

– Зачем?

– Ну... чтобы внести в нашу спокойную жизнь необходимую интригу. Я вот что подумала: надо бы заняться кабинетом Артемьева, разобрать хлам, что он накопил за долгие годы.

Я невольно поморщилась.

– У меня на это совершенно нет времени.

– Я могу одна заняться.

– У тебя тоже времени нет.

– Придется найти.

– Мы же проверили: там нет ничего такого, что могло бы...

– А если этот придурок где-нибудь спрятал покаянное письмо?

– Бред, – отмахнулась я. – Артемьев очень дорожил мнением потомков. Вон какой памятник себе воздвиг.

– Короче, ключ от его комнаты теперь у меня.

Кстати, кабинет Артемьева весь этот год был заперт, но ключ торчал в двери. Я была уверена, что никому и в голову не придет совать туда свой нос. Наталья была только рада избавиться от лишней работы, дети к кабинету отца никакого интереса не проявляли. Правда, один раз я застала там Кристину в обществе ее бойфренда. Я шла по коридору и обратила внимание, что дверь кабинета открыта, подошла и услышала, как Кристина что-то рассказывает своему другу – должно быть, решила, что знаменитый отец возвысит ее в глазах возлюбленного, вот и привела юношу в кабинет-музей имени отца.

– Поехали домой, – позвала Софья. – Дел невпроворот.

Мы зашагали к машине. Возле нашего лимузина притулилась старенькая иномарка, из нее выбрались необъятных размеров дама с фиолетовыми волосами и сухонький мужичонка неопределенного возраста. Одет он был неопрятно, джинсы следовало бы постирать, на рубашке отсутствовали две пуговицы. Дама также могла похвастать пренебрежением к своему туалету. Ворот трикотажной кофты растянут, рукава засалены, подол юбки спереди вздернут, и из-под подола нахально выглядывает комбинация.

Мы намеревались пройти мимо, но мужичок бросился ко мне, протягивая руки, точно собирался заключить меня в объятия.

– Лариса Сергеевна...

– Это что такое? – пробормотала Софья и на всякий случай закрыла меня грудью, сверля мужичка недобрым взглядом. Едва не натолкнувшись на Софью, мужичок досадливо крикнул и отступил в сторону.

– Позвольте представиться, – торопливо сказал он, стараясь смотреть исключительно на меня. – Хоботов Семен Васильевич. Я писал вам, и вы любезно...

– Да-да, помню, – вместо меня отозвалась Софья и протянула ему руку: – Софья Андреевна, секретарь Ларисы Сергеевны. Ждем вас сегодня у нас в восемнадцать ноль-ноль.

– Благодарю, – разулыбался Хоботов и подтянул за руку пышнотелую даму. – Это моя супруга. Рахиль Моисеевна.

– Очень приятно, – кивнула я и, помешкав, добавила: – Разумеется, мы ждем вас вместе с супругой.

– Я в восторге от вашего мужа, – затараторила она. – Я хотела сказать, от его книг. В совершенном восторге. Я всегда говорила Семочке, Боря – гений, он достигнет многого. Правда, Сема?

– Да-да, дорогая. Моя супруга была очень дружна с Борисом.

– Он всегда показывал мне все свеженанписанное. Ах, какое это было блаженство сидеть возле камина и слушать его хрустальную прозу.

– Почему хрустальную? – удивилась Софья. Дама замерла, приоткрыв рот. Сообразив, что дама на вопрос не ответит, я пробормотала:

– Извините, нам пора...

– Да-да, мы понимаем, – вновь затараторила дама. – Мы только заскочим к Бореньке, а потом к вам. Мы всегда его навещаем. Какая утрата для русской литературы, – всхлипнула она и извлекла из рукава мятый носовой платок. Хоботов тоже всхлипнул и посмотрел на меня с душевной мукой.

– Мы осиротели, – сказал он.

– Мы тоже, – совершенно серьезно ответила Софья. – Будет о чем поговорить вечером.

Хоботовы потрусили к могиле, трогательно поддерживая друг друга, а мы устроились в машине.

– Будут денег просить, не давай, – хмуро бросила Софья, поворачивая ключ зажигания. – Откуда взялся этот друг? – спросила она. Вопрос был риторический, но я ответила:

– Понятия не имею.

– Физиономия прескверная, рыльце остренькое, глазки злые, и весь какой-то скользкий. Очень похож на шантажиста.

– Только этого не хватало, – поморщилась я.

Как только мы подъехали к дому, на пороге появилась Наталья и радостно сообщила:

– Макс приехал. Ушел купаться. С полчаса как ушел. – Тут Наталья перешла на шепот: – Серова тоже приехала. Пьет кофе на веранде. Думаю, Макс от нее сбежал. Прибыла в десять утра. Я сказала, вы в церкви, она отдохнула в своей прежней комнате.

– Поднимемся на веранду, надо поздороваться с Серовой, – со вздохом заметила я. Софья сочувственно кивнула, мол, ничего не поделаешь.

Вдвоем мы поднялись на второй этаж, дверь на веранду была распахнута, и я увидела Валентину Николаевну. Она сидела в плетеном кресле спиной ко мне. На ней был черный деловой костюм и рыжие мокасины, Валентина Николаевна называла это своим стилем.

Когда-то Серова училась вместе с моим мужем в Литературном институте. Слава пришла к ней гораздо раньше, чем к Артемьеву. Она писала сентиментальные романы, именовала себя прозаиком и, в общем-то, была вполне симпатичным человеком, если бы не одно, точнее, два обстоятельства. Кто-то когда-то сказал ей, что она красавица, и она в это свято поверила. Потом поверила, что она – серьезный писатель, и вела себя соответственно. Сейчас она уверенно приближалась к пятидесяти, располнела, сделала неудачную пластическую операцию и выглядела старше своих лет. Но она вроде бы этого не замечала, а ей никто не намекнул, и дама продолжала изображать роковую красавицу, томно поводила плечами, смотрела со значением, а говорила так, точно оставляла завещание потомкам.

С моим мужем они как будто дружили. Кажется, он ею искренне восхищался, она проявляла сдержанность в оценке его произведений, но неизменно подчеркивала, что уважает его как человека. В литературных кругах такая терпимость – большая редкость, так что они, скорее всего, действительно испытывали друг к другу симпатию.

– Добрый день, – радостно сказала я.

Валентина повернулась и послала мне улыбку.

– Ларочка, – сказала она нараспев, протягивая мне руку с таким видом, точно всерьез рассчитывала, что я примусь лобызать ее. Руку я пожала, а Валентину поцеловала в щеку, она сделала вид, что тоже меня целует. Мы были на «ты», но она всегда разговаривала со мной так, точно я несмысленное дитя или дурочка.

Подозреваю, что она считала меня совершенно никчемным созданием, которому повезло отхватить в мужья известного человека.

– Как твои дела? Выглядишь прекрасно, – заметила она с легким недовольством.

– Какие у меня дела? – пожалала я плечами. – Пытаюсь меньше думать о своей утрате.

Софья устроилась в кресле за спиной Серовой и оттуда строила мне рожи. Валентина Николаевна к ней относилась как к прислуге и обращала на нее внимание только в случае крайней нужды.

– Как я тебе сочувствую. Замену Борису будет найти непросто. – Кажется, она не сомневалась, что меня только это и заботит.

Сама Валентина вдовела уже шесть лет и даже из этого события умудрилась сделать шоу. Во всех своих интервью она неизменно подчеркивала, что до конца жизни останется верна своей любви и светлой памяти мужа. Скорее всего, подходящих кандидатов в мужья у нее просто не было. Покойный Серов, вечный прапорщик, которого она упорно именовала майором, скончался от белой горячки. Ничего предосудительного я в этом не находила, коли уж два моих супруга скончались от той же хворобы, но Валентина, как видно, придерживалась иного мнения. Она предпочитала именовать горячку инсультом. Детей у них не было, и в последние годы в речах Валентины Николаевны появились сентиментальные ноты. Она стала помогать двум детским домам и вроде бы даже собиралась усыновить ребенка. Я считала это болтовней досужих журналистов, но, вне всякого сомнения, приближение старости Валентину Николаевну печалило, она писала все меньше и меньше, а говорила все больше и больше.

– Как дети? – ласково поинтересовалась она.

– Макса скоро увидишь, Кристина еще не приехала.

– У нее, кажется, появился поклонник?

– Да. С ним ты тоже познакомишься, – заверила я.

– Надеюсь, девочке повезло и она встретила приличного молодого человека, – не без яда заметила Валентина. – А ее мать приедет?

– Разумеется, – с ноткой удивления в голосе отозвалась я. – Не возражаешь, если я тебя ненадолго покину? Хотелось бы привести себя в порядок перед обедом.

– Да-да, конечно. Занимайся своими делами, – кивнула она. – Если ты не против, я бы осталась на несколько дней.

– Конечно, не против, – удивилась я.

– Ты разобрала бумаги Бориса? – вкрадчиво поинтересовалась Валентина.

– Я думала заняться этим после години, – вздохнула я с постной миной.

– Я могла бы предложить свою помощь, – улыбнулась Валентина. Улыбалась она всегда так, точно кто-то ей растягивал рот до ушей, выражение ее лица при этом становилось злобно-страдальческим. Она поспешно отвела взгляд, а Софья многозначительно подняла брови. Гадай теперь, с чего вдруг такая милость.

– Что ты, – запротестовала я, – разве я могу злоупотреблять твоей добротой. Спасибо, но об этом не может быть и речи. – Одна мысль, что Серова задержится здесь более чем на пару дней, приводила меня в ужас.

– Если честно, я хотела тебя просить об этом. – Слово «просить» она выделила и вздохнула с видом императрицы в изгнании. Хотелось пасть ей в ноги и завопить: «Что вы, матушка». Но от этой затеи я воздержалась, справедливо полагая, что Валентина воспримет сие как издевку.

– Я не понимаю, – заметила я и даже нахмурилась, демонстрируя работу мысли.

– Я хочу... – Валентина покосилась на Софью, та точно приросла к стулу. Сообразив, что покидать веранду она не собирается, Валентина поморщилась и неохотно продолжила: – Я хочу написать книгу о Борисе.

– Ты хочешь написать его биографию? – не поверила я. С моей точки зрения, такое могло прийти в голову только сумасшедшему. То есть я сама собиралась нанять кого-нибудь, чтобы он или она запечатлели жизнь супруга для потомков. Софья даже уверяла, что мы вполне справимся своими силами, чтобы не выбрасывать деньги на ветер. И тут вдруг это нелепое предложение.

– Да, – кивнула она с таким видом, точно не верила самой себе. – Я подумала, что это мой долг. В конце концов, мы столько лет были друзьями.

– Если честно, я уже договорилась с одним молодым человеком... – пробубнила я.

– Какой-нибудь непризнанный гений? – презрительно хмыкнула Валентина. – Твой муж заслуживает большего. Я хочу создать его романизованную биографию. Что-то вроде того, что делал Андре Моруа. Ты читала его книгу о Бальзаке?

– Разумеется.

– Тогда ты понимаешь. Уверена, это отличная идея. При хорошей рекламе книга разойдется мгновенно.

– Не сомневаюсь.

– Значит, договорились.

– Да-да, – кивнула я, торопясь покинуть веранду. Софья выскользнула следом.

– Как думаешь, она спятила? – шепотом спросила я, удалившись на приличное расстояние от веранды. – Чем мой муж так уж интересен?

– Я думаю, что дела у нашей знаменитости совсем плохи. Последняя книга вышла год назад. Бред сивой кобылы.

– Я не читала.

– Тебе повезло. С сюжетом у нее всегда были проблемы, ничегошеньки оригинального не в состоянии придумать. А теперь фантазия, похоже, и вовсе накрылась медным тазом. Ее начали забывать, вот она и решила...

– Хорошо, если так. Пусть роется на здоровье в старом хламе.

– Ага. Может, пока она будет рыться, махнем куда-нибудь на отдых? Не поверишь, так иногда хочется придушить этого гения в мокалинах.

– Софья, надо быть добрее к людям, – наставительно изрекла я.

Приняв ванну, торопливо и оттого без особого удовольствия, я вернулась на веранду, напомнив себе, что обязана быть гостеприимной хозяйкой. На душе было тревожно. Я была не в состоянии докопаться до причины своей тревоги: то ли на меня так повлияло происшествие с Сусанной, то ли ее рассказы, то ли письмо с угрозами.

Письма с угрозами приходили уже не первый раз, я на них особого внимания не обращала, но теперь и это глупое письмо вызвало раздражение и беспокойство.

– Лара, – услышала я, повернулась и непроизвольно заулыбалась – из сада поднимался Макс.

Когда я впервые увидела его, он был смешным лопухим мальчишкой со светлыми волосами и всегда удивленным взглядом. Артемьев рассказывал, что Макс в детстве был ростом ниже большинства своих сверстников и жестоко страдал от этого. Зажмурившись и сжав кулаки, иступленно шептал: «Я вырасту, я вырасту». И что вы думаете? В самом деле вырос, теперь рост его составлял где-то сто девяносто см, а он еще в том возрасте, когда молодые люди растут. Это обстоятельство было постоянным поводом для наших шуток.

Я раскинула руки и приняла Макса в свои объятия. Точнее, он меня принял. Теперь я едва доставала макушкой до его плеча.

– Какая ты красивая, – заявил он с улыбкой и поцеловал меня в эту самую макушку. Я отстранилась, разглядывая его. По-моему, выглядит он прекрасно. Значит, у мальчика все хорошо.

Надо сказать, с этим ребенком у меня никогда не было проблем. Артемьев развелся с женой, когда Кристине было шестнадцать, а Максу четырнадцать лет. После развода они около года жили с матерью, потом приехали к отцу на каникулы, да так с ним и остались. Злые языки утверждали, что первая госпожа Артемьева была никудышной матерью. Но я считала это откровенной клеветой. Татьяна представлялась мне человеком ответственным, матерью она была строгой, и со взбалмошной Кристиной, у которой к тому же начался переходный возраст, у нее возникали постоянные конфликты. Макс, по натуре совершенно бесконфликтный, очень страдал от этого. К тому же у Татьяны в то время был тяжелый период, катастрофически не хватало денег, и это доводило Кристину до бешенства. Она причисляла себя к золотой молодежи и жить стремилась соответственно. У Артемьева денег тоже не было, зато был родной брат, вдовец и бездетный, нефтяной король из далекой Сибири. Племянников он видел редко, но боготворил, раз своих детей нет, а миллионы кому-то оставлять надо. Брата он терпеть не мог, считал бездарем и лодырем. Даже после того, как Артемьев стал невероятно знаменит, брат относился к нему с некоторой настороженностью, точно подозревая подвох. Потом, правда, подобрел, но в завещании, несмотря на это, не упомянул. Все его немалые деньги отошли племянникам, причем две трети суммы получал Макс, а одну треть – Кристина. С моей точки зрения, решение более чем справедливое, но Кристина думала иначе и отчаянно интриговала против брата. Для меня явилось абсолютной неожиданностью, что в завещании упомянули и меня. Я получала пятьсот тысяч долларов со странной формулировкой «с восхищением ее дарованиями».

После смерти Артемьева, когда выяснилось, что детям он ничего не оставил и авторские права перешли ко мне, Кристина впала в бешенство. Обозвала меня воровкой, трижды плюнула мне под ноги, один раз целилась в глаза, но, видно от избытка слюны, попала себе на платье, окончательно разозлилась и ушла навсегда. Правда, неизменно появлялась раз в неделю, чтобы попросить денег. Деньги я, конечно, давала, потому что никогда не жадничала, а Кристину мне было жаль. Господь подшутил над ней, ничем не наделив, кроме непомерной алчности и несусветной глупости. Кристина страдала и с нетерпением ждала смерти дядюшки, потому что знала о завещании.

– Вот когда дядя умрет... – начинала она мечтать вслух. Слава богу, что он этого не слышал, не то бы бедняжка не получила ни копейки.

Смерть Бориса удивила старшего брата, но, по большому счету, даже не взволновала. По крайней мере, изменение цен на нефть он переживал эмоциональнее. На похоронах он сказал мне:

– Надеюсь, ты найдешь себе кого-нибудь получше.

А через три месяца после похорон неожиданно слег в больницу. Оказалось, у него больное сердце. С каждым днем ему становилось хуже. Кристина изнывала от нетерпения, сидя в палате дяди дни напролет (ночами она веселилась в клубе и днем дремала в кресле, пользуясь тем, что дядя тоже спал, зато, открыв глаза, он неизменно видел любимую племянницу).

В какой-то момент ему стало лучше, и его даже выписали из больницы. Кристина скрежетала зубами и поспешила вернуться сюда. Но улучшение сменилось резким обострением болезни, и шесть месяцев назад дядя умер. Кристина со слезами молилась перед иконой Чудотворца, невпопад приговаривая «Слава тебе, Господи». На днях брат и сестра войдут в права наследства, и Кристина станет богатой невестой. В предвкушении этого события она произвела вылазку во все крупные салоны и магазины, прикидывая, что купит в первую очередь.

Макс, в отличие от сестры, наследством не бредил. Он окончил университет. Я одолжила ему денег, и он открыл на них собственную фирму, которая весьма успешно работала. Макс был доволен и регулярно рассказывал мне о своих планах по расширению и развитию. На мой вопрос, что он намерен делать с дядиным наследством, пожимал плечами:

– Хочешь, подарю его тебе.

– Не хочу, – отвечала я, потому что побаивалась дармовых денег. Лично мне счастья они никогда не приносили.

– Пусть лежат, – вздыхал Макс. – Может, когда пригодятся.

Как я уже сказала, он очень милый мальчик.

Сейчас милый мальчик ласково мне улыбался.

– Как дела? – спросил он весело.

– Отлично, раз я вижу тебя.

– Гостей много будет?

– Надеюсь, не очень.

– Но литтусовка в полном составе?

– А куда без них? – вздохнула я.

Макс тоже вздохнул.

– Попробую это пережить. Мать сегодня звонила мне. Она приедет ближе к вечеру. Хочу познакомить тебя с моей подружкой.

– Да, а где она?

Макс взглянул на часы:

– Скоро поеду ее встречать. Что там с тетушкой Сусанной, неужто правда шею свернула?

– Макс, – сказала я укоризненно. – Надеюсь, с ней все будет хорошо.

– Лара, ты потрясающая женщина. Любая другая давно отравила бы Сусанну мышьяком.

– У нее есть положительные качества, – заметила я.

– Серьезно? Скажи, какие? – Я хлопнула его по руке и покачала головой. – Покатаюсь на лодке, – сказал он, – чтобы ненароком не попасть на глаза гениальным дамам.

Он вернулся в сад, а я побрела на веранду. Я бы с удовольствием отправилась с Максом, но гостеприимство обязывало. Валентина все еще пила кофе, по крайней мере, поднос с кофейником и чашкой не убрали. Она смотрела вдаль и время от времени томно вздыхала. Услышав мои шаги, повернулась и выдала мне свою улыбку. Зубы у Валентины крупные, с желтоватым оттенком, я бы на ее месте поостереглась их особо демонстрировать.

– Мне неловко отрывать тебя от дел, – жеманно пожала она плечами. – Не обращай на меня внимания, я посижу здесь. Такой прекрасный вид...

Понять это можно было в том смысле, что она сидит здесь одна и никому до этого нет дела. Я устроилась в плетеном кресле по соседству, улыбаясь так, точно мне вручили подарок.

– Очень рада, что ты приехала, – сказала я ласково, но Валентина все равно заподозрила издевку. Достала сигареты и закурила. Пепельница была уже доверху завалена окурками, курила она практически постоянно. Она манерно выставила руку с ядовито-красным лаком на ногтях, пальцы пожелтели от никотина, от этого Валентина казалась неряшливой, или, как любит выражаться Софья, какой-то непромытой.

– Что-то я не видела Сусанну, – вдруг сказала она и поежилась, реакция совершенно естественная: все при упоминании тетушки невольно вздрагивают.

– Она в больнице. Упала и, кажется, повредила шею.

– Да что ты? – ахнула Серова. Глаза ее расширились, она даже покраснела от возбуждения. – Когда это случилось?

– Вчера. Врачи говорят, ничего страшного, – добавила я.

– Надо же, в таком возрасте... – Валентина кашлянула, сообразив, что такое поведение не к лицу великому человеку, и перевела взгляд на какую-то точку на горизонте.

Появилась Наталья и с постным видом сообщила:

– Гости приехали.

Валентина повернулась ко мне с немимым вопросом в глазах. Я пожала плечами, торопливо поднимаясь.

Подходя к лестнице, я услышала громкие голоса и поняла, что пожаловали еще две великие дамы от литературы. В разговоре мелькнуло имя Сусанны, о недавнем происшествии они, должно быть, узнали от Натальи.

– Ларочка, – завидев меня, раскинула руки Аглая. Вторая дама тоненько пискнула:

– Рада тебя видеть. – И обе шагнули ко мне.

Надо сказать, что в паре они выглядели чрезвычайно комично. Марина Федоровна Скворцова недавно отметила свой пятидесятипятiletний юбилей. Она была невысокого роста, худая до жути. Со спины походила на дистрофичного подростка. Мелкие черты, личико сморщенное, как печеное яблоко, сутулость и любовь к ярким тряпкам. Она без конца шурилась, хотя отличалась отменным зрением, и кривила губы, точно не знала, что сделать – зареветь или засмеяться. Марина Федоровна, так же, как Серова, Аглая и первая жена Артемьева, училась с моим мужем в Литературном институте, и дружбу они пронесли через года. Марина в молодости писала романы, металась от эпических произведений об освоении целинных просторов до модернистских опусов под названием «Пять синих кошачьих лап». Когда времена сменились и дураков бесплатно печатать все это не стало, она некоторое время торговала книгами с лотка. Дела ее пошли успешно, вскоре у нее появились два продавца, потом книжный магазин, а сама Скворцова вдруг занялась издательским делом. Поначалу издавала брошюры «Как сбросить вес за три дня» и прочее в том же духе, но годы упорной работы принесли плоды. Издательство ширилось и крепло. Артемьев, до встречи со мной, приносил ей свои творения, и она по доброте душевной их печатала, неся убытки, потому что читать их никто не хотел (с моей точки зрения, совершенно справедливо), муженек тоже обожал оригинальные названия «Исповедь прозревшего крота», к примеру. И когда вдруг написал нечто вполне удобоваримое (не иначе на него так подействовала любовь), Скворцова, вздохнув, издала книгу, после чего Артемьев в одночасье сделался знаменитым, а Скворцова богатой. Восемь лет она с него пылинки сдувала, больше всего на свете боясь, что его перемянут конкуренты. Артемьев действительно хотел было к ним переметнуться, но я была начеку. С моей точки зрения, Скворцова заслужила, чтобы заработать на старом приятеле, который так долго испытывал ее доброту.

Кроме щедедушного тела, Марина Федоровна обладала писклявым голосом, которому пыталась придать некую детскость, и потому постоянно сюсюкала. Она склоняла головку набок, застенчиво улыбалась и изо всех сил строила из себя ласковую дурочку: мол, ничего она в этой жизни не смыслит, а каждый норовит обмануть сироту.

На самом деле она была довольно стервозной бабой, которая не прочь сделать ближнему пакость, и ложку мимо рта уж точно никогда не проносила. Марина Федоровна терпеть не могла Серову, с которой вместе училась, за то, что та умудрилась стать знаменитой, тихо ненавидела первую жену Артемьева, теперь тоже довольно известную писательницу, а Аглаю Петрову считала дурой и бездарем, хотя при встрече целовалась с ней взасос, сопровождая это действие комплиментом, после которого Аглая долго хлопала глазами, пытаясь сообразить, то ли ее похвалили, то ли плюнули в физиономию.

В отличие от худосочной Марины Федоровны, Аглая Викторовна Петрова была могучего телосложения. И ростом, и статью она походила на бегемота, шумная и, как большинство людей, обремененных лишним весом, добродушная. Хотя в ее случае это скорее было не природным качеством, а сознательно выбранной линией поведения.

После окончания Литературного института она тоже писала скверные книжки, но, в отличие от Скворцовой, не успокоилась по сию пору. Каждый свой новый шедевр она дарила моему мужу с трогательной надписью: «На ваших книгах я училась писать», что выглядело как-то двусмысленно: то ли учитель никудышный, то ли ученица ни на что не годится. К Артемьеву обращалась исключительно на «вы», начитавшись любовной переписки начала двадцатого века, до которой была охоча и которую цитировала по делу и без того, постоянно все путая. Подозреваю, она была влюблена в Артемьева. Во время кремации хлопнулась в обморок, что создало

дополнительные трудности: даму весом в сто двадцать килограммов поднять с пола не так просто.

Став знаменитым, муж проявил благородство и устроил ее редактором журнала, не то чтобы хорошего, но и не совсем захудалого. Петрова печатала там свои романы с продолжением под псевдонимом Любовь Шевченко, но слава по-прежнему обходила ее стороной.

– Как всегда, хороша, – гаркнула она и заключила меня в объятия, в которых я совершенно потерялась. – Что это Наталья говорит про Сусанну? Неужто правда из окна свалилась? – проявила она интерес.

– Правда. Увезли в больницу. Но мы надеемся, все будет хорошо.

– Валентина здесь? – сведя бровки у переносицы, пискнула Скворцова.

– Пьет кофе на веранде. Не желаете присоединиться?

– Я, пожалуй, чаю, – пробасила Аглая. – Но для начала разберу свои вещи.

Она удалилась в отведенную ей комнату, с подозрением поглядывая на Скворцову, которая, подхватив меня под руку, увлекла в гостиную.

– Ждать больше нельзя, – быстро оглядевшись по сторонам и убедившись, что в гостиной мы одни, зашептала Марина Федоровна. – Сейчас самое подходящее время издать его роман. Ты обратила внимание, какой шум подняла пресса в связи с годовщиной?

– Обратила, – буркнула я.

– Так вот, пока у публики явный интерес... ты же понимаешь... Ты толком так и не сказала, сколько готовых романов он оставил? – забеспокоилась она.

– Один готов совершенно, – поведала я. – Но Борис в последнее время был исключительно требователен к себе. Роман его не удовлетворил, и он взялся писать второй, который благополучно довел до конца. Кое-что он намеревался подправить...

– Отлично, – перевела дух Скворцова. – А как его записи? Можно там набрать материала на книжку?

– Я нашла еще два практически готовых романа. Оба написаны несколько лет назад, но забракованы им. Если немного подредактировать...

– Я готова подписать договор хоть сейчас, – заверила меня Скворцова, а я вздохнула:

– Давай вернемся позднее к этому разговору.

Она пожала мне руку, с пониманием кивнула и удалилась в свою комнату.

Тут же дверь скрипнула, и в гостиной появилась Аглая. Наверняка подслушивала, этой пагубной привычки она даже не стеснялась, через что и страдала. Иногда ей такое приходилось слышать в свой адрес, хоть святых выноси. Аглая страдала, заедала страдания пельменями и еще больше набирала вес.

– Чего хочет от тебя эта вобла сушеная? – спросила она, приближаясь.

– Рукописи, естественно.

– А ты что? Неужели отдашь?

– Вообще-то не просто отдам, а получу за них очень приличные деньги.

– Я знаю минимум двух издателей, которые заплатят больше.

– Вряд ли бы это понравилось Борису, – с постной миной возразила я.

– Борису все равно, – отмахнулась Аглая. – А ты должна подумать о себе. Пока ты снова не вышла замуж... – Тут она слегка прикусила язык и закончила несколько виновато: – Не все коту масленица, это я Скворцову имею в виду. Хочешь познакомлю тебя с одним человеком?

– На предмет замужества? – проявила я интерес.

– На предмет издания, – смутилась Аглая.

– На этот предмет меня завалили предложениями.

– Только ради бога не отдавай рукописи этой кикиморе. У меня просто головокружение начинается, как подумаю...

– Должно быть, давление, – перебила я.

– Ага. С моим весом только и жди какой-нибудь пакости. Пробую худеть, становится даже хуже. Видно, мне на роду написано таскать на хребтине сто двадцать килограммов. Я решила написать его биографию, – без перехода заявила она. – Кто, если не я? Сама подумай. Он самый значительный человек в моей жизни. Ты архив разбирала?

– Только рукописи.

– Для тебя все прочее хлам, а для меня... – Тут она неожиданно зарыдала, что выглядело невероятно комично, плечи ее дрогнули, и вместе с ними задрожали все жировые отложения, Аглая стала похожа на растревоженный студень.

Только я шагнула к ней со словами утешения и сестринскими объятиями, как она так же внезапно успокоилась, шмыгнула носом, вытерла слезы толстой ладонью и улыбнулась. Косметикой она никогда не пользовалась, и никакого урона ее красоте слезы не нанесли.

Надо сказать, что, на мой взгляд, выглядела Аглая совсем неплохо. Разумеется, я имею в виду лицо, а не безбрежные телеса. Она была значительно моложе Скворцовой, на пухлом лице ни единой морщины, глаза большие, нос крупный, впечатление портили лишь губы: слишком маленькие для ее лица, они придавали ей капризное выражение. Она всегда ходила в брючных костюмах с неизменной желтой брошью на груди, огромный скарабей был под стать бюсту.

Аглая дважды выходила замуж, но каждый раз неудачно. Оба ее мужа, кроткие, забытые существа, никакой памяти в умах и сердцах окружающих не оставили. У Аглаи был сын, который жил в Америке и в Россию возвращаться не собирался. Комплекцией он удался в отца, матери едва дотягивал до плеча и страшно ее боялся.

– Не возражаешь, если я займусь его архивом? – закончила она весьма деловито.

– Боюсь, ты опоздала. Я уже дала обещание, – ответила я.

– Кому?

– Серовой.

– С какой стати? – не поверила Аглая. – Зачем ей архив Бориса? Да она всю жизнь презрительно воротила нос, стоило кому-то при ней заговорить о нем.

– Вот уж не знаю. Она задумала написать его романизованную биографию.

– Светлая память Бори в беллетристике? Да ты с ума сошла. – Аглая схватила меня за руку, я ее тут же выдернула, но все равно некоторое время потрясала рукой, дабы вернуть ей подвижность. Хватка у Аглаи была железная.

– Не могу же я ей запретить? – пожаловалась я.

– Еще как можешь. По крайней мере, к архиву ее подпускать никак нельзя.

– Пусть копается. – Ни за что! – рявкнула Аглая, чем здорово меня напугала. – Единственный человек, способный рассказать миру, какое он был сокровище, – это я.

– Хорошо, копайтесь обе. Мне что, жалко?

– Ты просто невыносима, – скривилась Аглая, готовясь опять зареветь. – Рукописи отдает Скворцовой, архив Серовой. Подумай о муже, – взвыла она, но на этот раз впечатления на меня не произвела.

– Ты сама сказала, Борису все равно. – Подозреваю, ей очень хотелось огреть меня чем-то тяжелым, к примеру своим кулаком, но тут появилась Наталья, и мысли о членовредительстве Аглае поневоле пришлось оставить.

– Лариса Сергеевна, опять гости, вы встретите или мне?

– Кто приехал? – спросила я.

– Польшина с мужчиной, должно быть, ухажер.

– У этой одно на уме, – пробормотала Аглая. Первую супругу Артемьева она ненавидела даже больше остальных своих сокурсниц. Думаю, не могла простить ей, что Артемьев, будучи молодым и неблагоразумным, выбрал ее, а не Аглаю. – Лучше уйду, – заявила она, а я пошла встречать гостей.

В холле стояла Польшина и разговаривала с Розой. Разумеется, речь шла о Сусанне. Рядом с Польшиной замер мужчина в темном костюме. Пока я спускалась по лестнице, ничего более определенного сказать о нем не могла. Польшина увидела меня и, улыбнувшись, шагнула навстречу. После развода она оставила себе фамилию мужа, Польшина ее литературный псевдоним. Пока она жила с Артемьевым, то в основном занималась литературными переводами, надо было на что-то кормить семью, наш гений был для этого совершенно не приспособлен. Возможно, она бы всю жизнь так этим и занималась, не закажи ей одно издательство перевести с английского несколько детективов. По мнению Татьяны, книжки были настолько бездарными, что вызывали у нее стойкое отвращение, а заодно и сподвигли на написание собственного детектива. Детектив напечатали. На сегодняшний день у нее вышло пятнадцать книг, и популярность ее росла, что не давало покоя ее приятельницам. Скворцова злилась, что она печатается не у нее, Серова, что популярность Польшиной растет, в то время как ее собственная близка к закату, Аглая просто злилась, потому что по-другому не умела. Разумеется, все три считали Польшину бездарностью, хотя ни одной ее книги принципиально не читали.

– Привет, – улыбулась мне Татьяна, и мы расцеловались. Она была моего роста, нормального телосложения, но вбила себе в голову, что должна похудеть, чем в основном и занималась. Из всех цветов Татьяна предпочитала черный, решив, что он ее стройнит. Недруги сразу же прозвали ее вороной. Ей было немногим более сорока, и выглядела она примерно на столько же. Мне очень нравились ее глаза. Во-первых, они были ярко-зелеными (согласитесь, это все-таки редкость), во-вторых, глаза были умными, а еще Татьяна любила смеяться и получала от этого настоящее удовольствие.

Я ждала, что она представит мне своего спутника, но она лишь вскользь бросила:

– Это мой шофер. Я позвоню, – сказала она ему, и тот, попрощавшись, удалился. Вот тебе и ухажер. Никогда не стоит делать поспешные выводы. – Литтусовка уже здесь? – поинтересовалась Татьяна, взяв меня под руку.

– В полном составе.

– Придется это как-то пережить. Скворцова примчалась первой?

– Второй. В компании с Аглаей.

– Не терпится заполучить рукопись? Обдери ее как липку.

– Не сомневайся. – Я проводила ее в отведенную ей комнату, а через полчаса мы встретились на веранде.

Серова к тому моменту выпила никак не меньше десяти чашек кофе и выкурила пачку сигарет. Другая на ее месте слегла бы с сердечным приступом, а этой хоть бы что. Дамы встретились шумно и чрезвычайно ядовито, точно желали поставить личный рекорд по количеству желчи и яда в своих репликах.

Больше всех старалась Скворцова, ее писклявый голосок перекрывал даже мощный бас Аглаи. Татьяна скалила зубы, а Валентина презрительно улыбалась. Стало ясно: долго я этого не вынесу, и я сбежала, сославшись на срочные дела.

Софья в своей комнате читала книгу.

– Ты видела Макса? – спросила она, когда я вошла.

– Видела. Бедный ребенок вынужден весь день торчать на реке.

– Это все-таки лучше, чем слушать ядовитые речи папиных подруг. Ты-то как? Прости, что я тебя бросила на растерзание, но видеть эти известные лица выше моих сил.

Я прошлась по комнате, хмуря лоб, хотя мой косметолог категорически запретил мне это.

– Представь, – сказала я Софье, молча наблюдавшей за моими передвижениями. – Валентина хочет написать биографию Артемьева. Аглая тоже хочет. И обе жаждут порыться в его архиве. Что бы это значило?

– Думаешь, они что-то заподозрили? – с беспокойством спросила Софья, инстинктивно взглянув на дверь.

– Пусть роются в его бумагах сколько угодно, – отмахнулась я.

– Думаю, все-таки стоит перетрясти его архив, – вслух размышляла Софья. – Не зря они так настойчиво рвутся к его бумагам.

– Они будут здорово разочарованы. Слушай, а может, все проще, – озарило меня. – Вдруг дамы опасаются, что Артемьев оставил нелицеприятные высказывания на их счет?

– И они торопятся добраться до них первыми? С них станется... Пожалуй, я все-таки займусь этим мусором.

– Ты звонила в больницу? – спросила я. – Как-то тревожно на душе.

– Если ты беспокоишься за Сусанну, то совершенно напрасно. Старушка еще переживет наших внуков.

Я досадливо махнула рукой и покинула комнату. Меня в самом деле охватило непонятное волнение. Я бродила по дому, создавая видимость каких-то дел и нигде подолгу не задерживаясь. Потом отправилась к реке, решив, что самое лучшее для меня сейчас побыть с Максом. Он встретил эту идею с воодушевлением, и мы с полчаса катались на моторке. Под шум мотора особо не разговоришься, но мне это было и не нужно. Я смотрела на Макса и думала, как это хорошо, когда у человека есть семья. У меня есть Софья, Макс, Сусанна, следовательно, я счастлива.

Макс направил лодку к берегу. На пирсе я заметила мужчину и двух женщин. Одна из женщин Софья, а вот кто те двое...

– Кого еще черт принес, – непочтительно заметил Макс.

Мы пришвартовались, женщина, что стояла рядом с Софьей, помахала рукой в знак приветствия, и я с некоторым усилием узнала свою давнюю приятельницу Ирину Болеславскую.

Макс выбрался из лодки и намеревался помочь выйти мне, но мужчина опередил его – он протянул руку и буквально выдернул меня из лодки, как репку из грядки, и поставил на пирс. Конечно, дама, то есть девушка (вечно путаюсь), я хрупкая и, чтобы сохранить эту самую хрупкость, по часу в день потею на тренажерах, но мужчина все-таки сумел произвести впечатление. Особенно на Макса, тот замер, забыв прикрыть рот, и во все глаза смотрел на Ириного спутника. Кстати, он того заслуживал. На вид ему было лет сорок, высокий, массивный, хотя в его движениях чувствовалась удивительная легкость. Я вспомнила, что в нашу последнюю встречу Ирина трудилась в цирке, и решила, что мужчина из цирковых. Однако на нем был слишком дорогой, отлично сшитый костюм. «Английский», – автоматически отметила я. Стоимость такого костюма зашкаливает, артисту цирка копить придется на него пару лет, и то если гастроли будут удачными.

А вот с физиономией была беда. Когда-то она была весьма привлекательной для женщин, но теперь выглядела скорее зловеще. Левую бровь рассекал шрам, который успел превратиться в тонкую белую линию с едва заметными зубчиками. Подобный же шрам в виде буквы V украшал его щеку. Больше всего он был похож на пирата, которых рисуют в детских книжках. Светлые глаза смотрели холодно, на губах дежурная улыбка. Стильная стрижка, волосы темные, лицо загорелое (что только подтверждало догадки о том, что парень не так давно бороздил просторы Карибского моря), глаза казались светлее кожи и выглядели интригующе и странно. Я бы решила, что он красит волосы, если бы не седина, которая довольно нахально проглядывала на висках. В целом я бы охарактеризовала его как исключительно интересного мужчину, но при этом исключительно опасного, особенно для нежных женских душ, к которым я причисляла свою собственную.

– Ларочка, – бросилась ко мне Ирина, и мы расцеловались, при этом я продолжала рассматривать ее спутника, надеясь, что делаю это незаметно. – Господи, сколько лет прошло, а ты ничуть не изменилась, – добавила она с некоторым недоумением. В народе широко бытовали слухи о многочисленных пластических операциях, которые я якобы сделала. Вранье. Я на пушечный выстрел не подпущу к своему лицу ни одного эскулапа. После тридцати женщины

начинают волноваться, а я начала еще больше расцветать. Конечно, это противоречило законам природы и слегка волновало. Но я-то знала, какую шутку выкинула эта самая природа, то есть какую цену приходится платить за неувядающую красу. Как известно, господь – большой шутник. Он создал меня Еленой Прекрасной, у которой столько поклонников, что собьешься со счета на пятом десятке, однако никакого удовольствия я от этого не испытывала, потому что сама никогда не влюблялась. Хотя очень хотела. Иногда страдала, иногда притворялась влюбленной. Но толку от этого не было.

Ирина, которая для своих тридцати пяти выглядела весьма неплохо, рядом со мной казалась в лучшем случае старшей сестрой, если не теткой. Она внимательно вглядывалась в мое лицо, должно быть, надеясь обнаружить следы швов под нижним веком, потом вздохнула и вспомнила о своем спутнике.

– Познакомьтесь, – разулыбалась она. – Это Лариса, а это мой друг, я тебе о нем писала. Урусов Павел Андреевич.

Павел Андреевич по-мужски пожал мне руку, и стало ясно, что к дамским угодникам он себя не причисляет. Хотя, может, он профессиональный соблазнитель и у него своя хитрая тактика. Для начала дать понять женщине, что ее красота на него не действует. Дама начинает беспокоиться, проявлять повышенный интерес и сразу попадает в умело расставленные силки.

– Он просто мечтал познакомиться с тобой, – добавила Ирина, а Павел Андреевич широко улыбнулся. Улыбка у него была потрясающая, но странное дело: сходство с пиратом лишь усилилось.

– Идемте в дом, – предложила Софья, поглядывая на Павла Андреевича с непонятным выражением лица. – Все гости уже в сборе.

– Кристина приехала? – спросила я и тут же увидела падчерицу, которая с хмурым видом шла нам навстречу в сопровождении двух молодых людей. Одним был ее бойфренд Игорь Чемезов, второго я видела впервые. В детстве Макс, когда хотел позлить сестрицу (а такое желание у него возникало часто) называл ее Крысей. Это имя за ней закрепилось. Когда она особенно нервничала на этот счет, я объяснила, что это такое польское имя и ничегошеньки обидного здесь нет. Кристина мне не верила, и совершенно справедливо, потому что Макс возводил имя не к братьям-славянам, а к одному малосимпатичному зверьку, на которого Крыся была так похожа. Татьяна, ее мать, дама весьма привлекательная, Артемьев был тоже недурен собой. Крыся была чем-то похожа на отца, опровергая тем самым слухи о том, что он к ее рождению не причастен, но при этом привлекательность в ней начисто отсутствовала. Среднего роста, она с детства отличалась пагубной страстью к пирогам и пельменям, что, разумеется, сказалось на фигуре. Но некоторая полнота зачастую придает людям шарм, ей же из-за несносного злобного нрава она придавала сходство с огромной крысой с маленькими красноватыми глазками, длинной мордочкой, крепкими зубами и большим ртом. Ко всему прочему, она была глупа и страшно завистлива. Отец, как ни странно, любил ее больше, чем Макса. Софья объясняла это тем, что убогих вечно тянет к убогим.

Ее избранник был высок, строен и до того красив, что это не лезло ни в какие ворота, в том смысле, что совершенно непонятно, что он в ней нашел. Познакомились они почти год назад, задолго до того, как богатый дядя завещал Крысе свои миллионы, так что мысль о том, что парень охотник за приданым, можно было смело отбросить: у Крыси, которой отец ничего не оставил, за душой не было ни копейки, и жила она на то, что я ей давала. Правда, я никогда не жадничала. В общем, что-то Игорь в ней нашел. Надо сказать, любовь несколько сгладила ее злобный нрав, а грядущие миллионы повысили самооценку, иногда она вела себя вполне по-человечески. Однако сейчас она была явно чем-то недовольна.

– Целый дом народу, – буркнула она вместо «здравствуйте».

– Тебе что, места не досталось? – спросила Софья, которая с Крысей никогда особенно не церемонилась.

– А ты молчи, – фыркнула Крыся, на что Софья тихо, но убежденно сказала:

– Сейчас как дам по башке...

Странно, но этот аргумент всегда действовал безотказно. Игорь, который данную реплику, безусловно, слышал, улыбнулся, намереваясь придать словесной перепалке шуточный характер.

– Очень рад вас видеть, – сказал он. Софья из вредности расцеловала его, и я тоже, потому что и моя вредность иногда давала себя знать. Правда, и Крысю я поцеловала, слегка опасаясь, что она возьмет да и укусит. Обошлось.

Молодой человек рядом с ней напряженно улыбался, терпеливо ожидая, когда его представят.

– Это мой друг, – сказала Крыся. Вообще-то просто говорить у нее не получалось, она либо буркала, либо цедила слова, точно платила за них, как за электричество. При слове «друг» Игорь слегка поморщился и поспешно отвернулся. – Его зовут Алексей, – продолжила Крыся.

– Гришин, – вежливо представился молодой человек, пожимая руки всем по очереди, мою и Софью он поцеловал. Парень производил приятное впечатление, лет тридцати, с симпатичным лицом, костюм вполне приличный, и вести себя умеет. Это обстоятельство меня особенно порадовало, от Крысиных друзей можно ожидать чего угодно.

Макс взглянул на часы.

– Мне пора ехать, – сказал он тихо.

– Куда это ты? – проявила интерес сестрица, до той поры Макса вроде бы не замечая.

– За своей девушкой.

Не дожидаясь, когда она скажет что-нибудь приятное, он махнул рукой и направился по дорожке вверх, но, не доходя до дома, свернул – таким путем ближе пройти к стоянке машин. Парамы – я с Софьей, Крыся с Чемезовым, Ирина с Павлом (Алексей замыкал шествие в одиночку) – мы поднялись по лестнице к дому. На веранде был накрыт стол. Литературные дамы отсутствовали.

Наталья ударила в гонг, и, пока мы рассаживались за столом, они появились. Софья устроилась рядом со мной, Ирина по левую руку, далее Урусов, Крыся с Игорем и Алексеем. Литературные дамы пытались рассредоточиться, в результате Скворцова оказалась рядом с Софьей, Аглая с Алексеем, Валентина выбрала из двух зол меньшее и села рядом со Скворцовой, Татьяну, как я уже говорила, она особенно не могла терпеть.

За круглым столом осталось четыре места. Макс и его девушка. А еще кто? Только я собралась задать этот вопрос Софье, как дверь открылась и появился Хоботов. Я успела забыть, что пригласила его, и оттого слегка удивилась. Далее удивление шло по нарастающей. Прежде всего, Хоботов явился без своей дражайшей половины, объяснив это тем, что супруга внезапно заболела. Если учесть, что с утра она была исключительно здорова... Но я недолго мучила себя этой мыслью, потому что меня тут же одолели другие. Появление Хоботова произвело на литературных дам сильнейшее впечатление. Скворцова вытаращила глаза, Валентина сурово нахмурилась, Татьяна вроде бы удивилась, только Аглая, казалось, порадовалась, не новому гостю, а тому, какой шок вызвало его появление. Она исподтишка разглядывала дам, стараясь скрыть победную улыбку. Не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы понять: Хоботов всем четверым хорошо известен и троим чем-то насолил. Вряд ли Аглая знала, что он будет в гостях, значит, в отличие от других, у нее он скверных эмоций не вызвал. Скорее наоборот, порадовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.